ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 130 (3159) Вторник, 3 ноября 1953 г. Цена 40 коп.

Да здравствует великий Союз Советских Социалистических Республик—твердыня дружбы и славы народов нашей страны, несокрушимый оплот мира во всем мире!

Да здравствует великий советский народ—строитель коммунизма!

(Из Призывов ЦК КПСС к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

Трудящиеся Советского Союза! Укрепляйте нерушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства, братскую дружбу между народами нашей страны! Неустанно крепите единство великого Советского многонационального государства, укрепляйте могущество нашей социалистической Родины!

(Из Призывов ЦК КПСС к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)

ДЛЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

ОТ МОСКОВСКОГО ГУМА ДО СЕЛЬМАГА

Накануне октябрьских праздников во многих городах и селах открываются новые универмаги, специализированные магазины, торговые палатки, ларьки. Торговая сеть получает куда больше товаров, чем получала несколько месяцев назад. Больше стало тканей, готового платья, обуви, предметов домашнего, хозяйственного обихода, продуктов питания, всего, что объединяем мы названием товаров народного потребления.

Этот поток товаров будет бурно расти из месяца в месяц. Осуществляя постановления партии и правительства, предприятия, выпускающие для населения промышленные товары и продовольствие, расширяют и реконструируют свои цехи, наращивают темпы выпуска продукции. Пройдет два-три года, и в нашей стране появится обилие всего, что необходимо советскому человеку. В любом населенном пункте СССР—городе, рабочем поселке, селе — можно будет купить любой товар.

Сборное здание сельского магазина с квартирой для продавца.

Предстоит резко расширить торговую сеть. В каждом районном центре появится универсальный магазин по продаже промтоваров. Каждое сельское общество потребителей обязано открыть не менее одного универмага. В наиболее крупных населенных пунктах создаются специализированные магазины по продаже отдельных видов товаров.

40.000 новых магазинов появится до конца 1956 года в городах и селах! Их должны создать государственные торговые организации и потребительская кооперация.

Как осуществляется это решение партии и правительства? Корреспонденты «Литературной газеты» посетили ряд организаций, которым поручено создание дополнительной торговой сети, и познакомились с их работой.

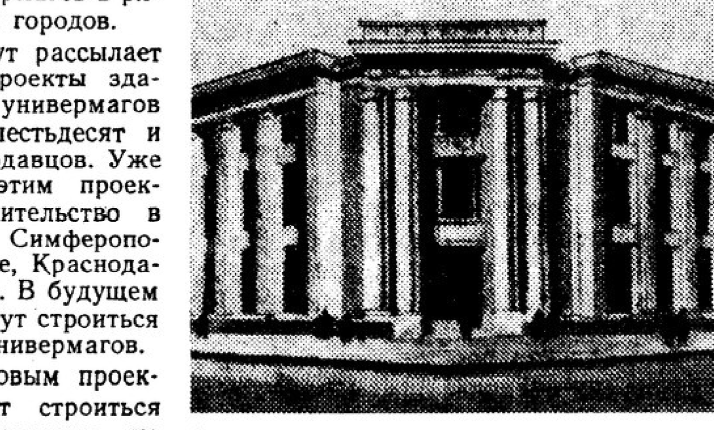
Горячие дни сейчас в Министерстве торговли СССР, которое ответственно за своевременное открытие новых магазинов в городах. Под эти магазины занимаются торговые помещения, размещенные в первых этажах новых жилых домов, причем магазины открываются одновременно с въездом жильцов.

Попутно проводится учет бывших торговых помещений, занятых под другие цели. Так, освобождены и переданы под самый крупный универмаг — ГУМ — огромные трехэтажные торговые ряды, выходящие на Красную площадь Москвы. Здесь идет большая перестройка. Маленькие, тесные магазинчики соединяются, превращаются в просторные торговые помещения. ГУМ откроется в этом месяце. 1.250 продавцов его смогут обслужить за день 200.000 покупателей. В новом универмаге 134 секции, где можно будет купить почти все, что необходимо для человека. На третьем этаже разместятся мастерские. Они будут принимать заказы на пошив одежды.

Освобождается и превратится в крупнейший универмаг «Детский мир» бывший Лубянский пассаж; полностью перейдут в распоряжение торговых организаций Петровский пассаж и многие другие помещения.

То же самое будет сделано в других городах, где немало помещений, которые можно отвести под магазины.

Одновременно Министерство торговли СССР разработало план большого строительства. В крупных городах будут сооружены 100 зданий для универмагов. Существуют созданные специальным институтом — Союзгипроторгом — два проекта пятиэтажных универмагов, один — для Львова, другой — для Одессы. Эти проекты будут использованы и для строительства крупных универмагов в ряде других городов.

Один из типовых проектов городского универмага.

Институт рассылает сейчас проекты зданий для универмагов на сто, шестьдесят и сорок продавцов. Уже идет по этим проектам строительство в Горьком, Симферополе, Курске, Краснодаре и Гори. В будущем году начнут строиться еще 46 универмагов.

По типовым проектам будут строиться и все остальные, не универсальные магазины.

На селе сейчас строится свыше 250 универмагов и 800 специализированных магазинов: продовольственных, обувных, готового платья, по торговле хозяйственными и культтоварами, а также магазинов-складов строительных материалов. В будущем году начнется строительство около двух тысяч таких магазинов.

Строительство на селе встречает некоторые трудности. Не всюду имеются кирпичные заводы и не всюду есть лес. Будут строиться сборные щитовые магазины. Их изготовляет Министерство промышленности строительных материалов СССР. При таком магазине имеется квартира для продавца. Квартиры для продавцов строятся почти при всех сельских магазинах, что очень облегчит жилищное положение торговых работников. Два первых образца сборных магазинов переданы в серийное производство.

Познакомились наши корреспонденты и с проектами районных универсальных магазинов, создание которых предусмотрено постановлением Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС «О мерах дальнейшего развития советской торговли». Каждый универсальный магазин будет иметь шесть отделов, где можно будет приобрести не только мануфактуру, готовое платье, обувь, белье, галантерею, но и игрушки, музыкальные инструменты, радиоприемники, фотоаппараты, а также швейные машины, велосипеды, мотоциклы.

Проект районного универмага

В зависимости от населенности района в магазинах будут работать от 4 до 18 продавцов. Архитектура магазина позволяет, по мере надобности, расширять его путем пристроек правого и левого крыла второго этажа. В подсобных помещениях отведены места для мастерских по ремонту швейных машин, радиоприемников, велосипедов, по утюжке готового платья, камеры для зарядки фотокассет и комнаты отдыха для работников прилавка. Каждый магазин имеет центральное отопление.

В текущем году по новым проектам в районных центрах будет построено свыше 250 больших и в сельских местностях 1340 малых универмагов.

АДЛАИ—МИР!

Геворк ЭМИН

Если посмотреть из долины, то увидишь сперва зеленые горы, покрытые травой и цветами, потом синие горы, покрытые туманом, и, наконец, белые горы, покрытые снегом.

На склонах синих гор виднеются деревни, выше — мельницы, построенные на родниках, сбегающих с высоты, за мельницами — орлы, облака и снег.

Курды живут рядом с орлами и облаками. На альпийских лугах видны их нехитрые палатки, дальше стада, оберегаемые огромными волкодавами.

Курд-чабан играет на свирели. У него загорелое лицо, горбатый, как клюв орла, нос, орлиные глаза и гордый, воинственный взгляд. Одежда чабана разноцветна, как альпийский луг. У него громкий голос, потому что собеседники его — горы, ущелья, поля.

Послушаем, о чем поет старый чабан.

...Курды — маленький народ. Их всего горстка, но и эта горстка никогда не была собрана в одной ладони. Она рассеяна по чужим землям. Турецкие власти огнем и мечом прошлись по селам курдов, сеяли вражду среди них, курдов-мусульман натравливали на курдов-езидов, на армян. Маленький народ погибал от распрей и голода.

Красива, ярка одежда курда, хотя и бедна. Красивы курды, а еще красивее курдянки. Но любовь была не для беднячки-курдянки. За несколько баранов ее отдавали в дом к нелюбимому человеку. Бывало и так: любимый продавал все свое скудное имущество и, нищий, женился. Уходил молодой муж, и пока он бродил в поисках заработка, жену его забирал богатый.

Кочевали курды с места на место, но всегда мечтали об оседлой жизни, о крыше над головой. Понятие родина всегда было священным: «Родина — по одну сторону, все остальное — по другую»,— говорили они. Родину они обрели лет сорок назад, когда пришли в Армению с юга — бежали от преследований турецких властей. Склоны армянской горы Арагац и явились их пристанищем...

Старый колхозник Авдал поет, держа полусогнутую ладонь у рта. У курдов песен много, чаще всего это были песни о войне или о любви. Авдал поет о мире, поет в маленьком клубе курдской деревни Сичанлу, на стенках которого написано: «Адлаи!» — «Мир!» На стене — фотография: пионерка с цветами и с голубем в руках.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю у Авдала.

— Я родился в год переселения,— отвечает он.

Многие старые курды не знают своего возраста и говорят: «родился в год войны», «родился в год резни» или «в год переселения» — попробуй узнать, когда он родился, если курды постоянно воевали и переселялись. Авдалу, может быть, сорок лет, а может, две сотни...

Пока поет Авдал, поговорим о жизни курдов на склонах Арагаца.

Еще в 1921 году правительство Советской Армении приняло решение о создании алфавита для курдов. Народ-поэт, веками создававший изумительные песни и эпос, не имел понятия о книге. И вот в курдских деревнях были открыты школы, появились первые учебники на курдском языке. Из них маленький пастух мог узнать, например, что автомашина стоит на четырех колесах, что лопатой копают землю, канал — это искусственная река, дом строится из камня, а пролетариям всех стран надо соединяться.

Через десять лет, в 1931 году, в Ереване открылся курдский педагогический техникум. Вскоре в Апаранском районе был создан первый курдский театр и начала выходить курдская газета «Рия таза» («Новый путь»). В тридцатых годах многие молодые курды, окончив школы, уже учились в техникумах и вузах Еревана, Ленинграда, Москвы. Некоторые стали учеными, писателями.

Народ пробуждался. Появилось много поэтов. Стихи и песни курдских ашугов зазвучали на олимпиадах, с эстрад, по радио. Один за другим начали выходить стихи и повести курдских писателей, сборники фольклора, научная литература. Курдские пастухи читали на родном языке Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Туманяна. Появились на курдском языке и книги Ленина, Сталина. Раньше говорили: «Если хочешь сына сделать человеком,— пусть станет чабаном». Теперь добавляли: «Но долго не держи его в горах без школы, если не хочешь, чтобы он уподобился барану».

В 1940 году курдские литераторы, собирая фольклор, записали сказку, рассказанную стариком Ахмедом Чоло. Сказка слишком явно походила на пушкинскую — о золотой рыбке. Как попала она из синего моря к Алагезскому озеру? Старик Чоло божился, что это курдская народная сказка, которую он слышал от курда, еще более старого, чем он сам,— от Лаванде Ало. Пришлось разыскать и этого старика.

— Как же, как же, сказка наша, курдская,— отвечал он.— Мне рассказал ее Мсто...

Фольклористы разыскали Мсто — ему оказалось... пятнадцать лет. «Тайна» золотой рыбки была разгадана: мальчик прочел перевод сказки Пушкина в учебнике.

Начинающий поэт переводит Пушкина. Для маленького народа — это крупное культурное событие; впервые Пушкин переводится на курдский язык, а начинающий поэт — первый переводчик в истории курдской литературы. Курд Дрбоев стал летчиком — первым курдским летчиком на земном шаре. Курд Саманд Сиабандов — первый курд Герой Советского Союза.

Следует сказать, что эти «первые» через некоторое время перестают быть единственными. А. Дженды давно уже не единственный курд — кандидат филологических наук. Диссертации защитили А. Авдал и многие другие курды; защитили в Ереване, Москве, Ленинграде. Раньше только Сиабандов был депутатом, теперь их несколько: доярка Споа Надо, районный прокурор Мироэ Мсто, председатель колхоза Агитэ Мато, партийные и советские работники Халтэ Чато, Надоэ Хедо и другие. А курды — трактористы, комбайнеры, шоферы давно уже перестали удивлять своих сородичей.

Курдская деревня Сичанлу очень маленькая — всего двадцать домов. Это последняя деревня на склоне горы Арагац. Дальше — снег и облака.

Мы добирались в Сичанлу пешком, по сотканному из альпийских цветов чудесному ковру. Отсюда хорошо видна вся Араратская долина, а по вечерам — огни Еревана. Сичанлу — одна из старых курдских деревень. По окончании строительства Талинского канала все ее жители переедут в долину, где для них строится новое село. Те, кто не видел старую курдскую деревню, могут увидеть ее именно здесь и нигде больше,—таких в Армении не сохранилось!

Я шел в Сичанлу с знакомыми парнями из армянского села Иринд. Большинство моих спутников—аспиранты и студенты вузов Еревана и Москвы проводили свои каникулы в родной деревне. По дороге они многое рассказали о курдах и о дружбе с ними. «Они наши соседи и наши друзья в радости и в беде», — сказал один из них.

Первый дом, в который мы вошли, принадлежал старику Айо. Худой, морщинистый, но с красивыми чертами лица, он встретил нас на пороге своего дома длинным приветствием (курды не здороваются за руку), смысл которого можно передать примерно так: «Пусть русские и армяне всегда будут с нами».

Узнав, что гости из Иринда, Айо прежде всего спросил о здоровье своих армянских друзей-стариков, тех, вместе с которыми он делил страдания в Турции, на дорогах изгнания, с которыми вместе дошел до этих мест и нашел мирную, спокойную жизнь.

— Мы с твоим отцом одного года ягнята, — улыбаясь, сказал старик одному из юношей.

Старый дом курда—это черная от дыма, наполовину врытая в землю лачуга с земляным полом. В маленькой передней — тондыр, печь-яма, в которой печется хлеб и готовится обед. Из передней ведут две двери, одна — в комнату, другая — в хлев, более обширный. В комнате деревянные нары, покрытые самотканным одеялом. Электрическая лампочка висит под черным от копоти потолком. Кроме нее, все здесь выглядит так, как несколько десятилетий назад.

До 1918 года в Сичанлу было 200 жителей. После двух лет хозяйничанья дашнаков в деревне уцелело всего пятнадцать человек. Сейчас число жителей увеличилось до 250 человек. Мы пробыли в этой деревне всего три часа. Курдский поэт А. Дженды провел в клубе колхоза беседу о XIX съезде КПСС и записал три народные песни. В одной из них молодой курд, влюбленный в армянку, говорит: «Ради тебя я готов сделать все. Скажи, и я спущусь в твою жаркую деревню и стану пастухом в вашем колхозе». Кто знает курдов и их привязанность к горам, поймет, на какую жертву готов пойти этот влюбленный!

Пели свои песни и читали стихи ученики сельской школы и даже ученицы. Девушки, правда, очень смущались, — закрывали лицо ладонями, а некоторые, читая, даже отворачивались к стене. Это одно из наследий прошлого, с которым мы встретились в Сичанлу.

В Талинском районе несколько курдских сел. Мы решили посетить самое большое из них — Акко. Первый человек, с которым мы встретились в Акко и который изумил моего спутника-курда, был простой пчеловод. Я и не думал удивляться: пчеловод как пчеловод. Для Дженды же даже это имело особый смысл — он впервые видел курда-пчеловода.

Акко кажется большим оттого, что, по сути, это два села. Почти все колхозники рядом со своими старыми домами построили новые, а старые превратили в хлевы, и получилось так, что у каждой семьи оказалось два дома, а в селе — два села.

Мы пришли в дом колхозного пастуха Таяра. Построенный из розового туфа, его дом кажется просто великолепным по сравнению со старым, стоящим рядом. Чистые, белые стены, крашеный пол, высокий потолок. В комнатах — платяной шкаф, никелированные кровати, стол, стулья, ковры, швейная машина.

Давно уже, описывая наши деревни, никто не обращает внимания на такие «мелочи», но я говорю о них потому, что в доме курда, бывшего два-три десятилетия назад кочевником, все это приобретает особый смысл. На стене рядом с календарем прикреплено расписание уроков 13-летнего Тимура — сына пастуха: алгебра, литература, французский язык... Рядом с расписанием — «режим дня»:

Подъем—7.00.
Физзарядка—7.00—7.30.
Завтрак—7.40 и т. д.

Пункт «завтрак» многим здесь кажется уж очень большой крайностью! Кушают, когда проголодаются или когда кончают работу и нужно отдохнуть. Но, несмотря на серьезное сопротивление взрослых, маленький Тимур все-таки живет по «режиму дня». Ровно в 7.40 утра он, после обтирания, ставит перед собой миску с кислым молоком...

У Таяра большая семья — жена, три сына, дочь, невестка, внук. Таяр и старший сын работают на ферме, жена, дочь и невестка—доярки, второй сын учится в десятилетке, а младший — в семилетке. Трехлетний внук Паша́ весь день играет со своими любимыми ягнятами или тайком крутит ручку швейной машины.

Гяваз, дочь пастуха, входит в комнату и ставит на стол миску с кислым молоком. Смущаясь тем, что гостей кормят одними молочными продуктами, жена Таяра, как бы в оправдание, говорит:

— Молоко и мацони—домашние врачи...

Начинается застольная беседа. Когда речь заходит о Москве, возобновляется старый спор между пастухом и его сыном Тимуром. Дело в том, что отец обещал купить радиоприемник, если сын без троек перейдет в седьмой класс. Мальчик выполнил свое слово, а приемника еще нет.

— У меня сейчас нет денег, подожди,— оправдывается пастух, не желая продолжать при гостях этот разговор.

— Как это нет? — возражает Тимур и приступает к решению довольно сложной арифметической задачи, чтобы доказать несостоятельность отказа купить приемник. Оказывается, что семья пастуха выработала в колхозе 1 754 трудодня, а на каждый трудодень приходится только одной пшеницы по 4,5 килограмма.

Колхоз села Акко считается одним из лучших в районе. Здесь механизировано свыше 80 процентов сельскохозяйственных работ. Колхоз ведет большое строительство — в прошлом году построены два коровника, курятник, силосная башня. Теперь строятся большой хлев, телятник, склады. Большинство строителей и каменотёсов — армяне. Но среди них есть и курды — специалисты по камню.

Председатель колхоза Котэ окончил курдский техникум и двухгодичные курсы, председатель сельсовета Усоев — курдский техникум, секретарь парторганизации Бакир и местный культработник Джамал — местную семилетку, счетовод Файзо — финансовый техникум, учитель Афо Сулейманов учился в Ленинграде...

Многие из них пишут стихи. Джамал не только пишет стихи, но и сам их иллюстрирует. Веселый человек Джамал, но его стихи о любви почти всегда грустны. «В Советской стране двести миллионов человек,— пишет он,— но вряд ли найдутся среди них два человека, так же страдающих от любви, как мы с тобой...» Видно, серьезно не повезло парню!

Вечером все население собралось в клубе. Дженды читал лекцию о литературе курдского народа. Нужно было видеть, с какой жадностью его слушали, как горячо спорили, задавали вопросы!

— Почему до сих пор нет истории курдского народа?

— Почему нет антологии курдской литературы?

На следующий день мы выехали из Акко. В течение всего времени, которое мы провели в этой деревне, пастух Таяр сопровождал нас, куда бы мы ни пошли. Сейчас он проводил нас за околицу и простился. Это один из курдских обычаев: пока гость не выедет за пределы деревни, хозяин дома должен быть всегда с ним.

В Акко уже горели огни, тускло освещая склоны зеленых гор.

— За этими горами тоже живут курды, — грустно сказал Дженды.— Когда же для них прояснится небо?

— Придет время.

— Доброе слово — весна для сердца,— отозвался мой спутник курдской пословицей.

ТАЛИНСКИЙ РАЙОН,
Армянская ССР

Перевод с армянского

КИЕВ СЕГОДНЯ

Осень на Украине теплая и влажная, еще не опала листва на деревьях киевских бульваров: желтая, оранжевая, багряная и совсем красная, словно языки причудливого пламени.

Десять лет назад людей, пришедших в Киев, в эти ноябрьские дни встречало не осеннее красочное великолепие. Пламя обгладывало почерневшие университетские стены, здания театров и библиотек, жилые дома... Люди, вошедшие в город, были одеты в шинели и в руках держали оружие, а на улицах, по которым теперь движется сверкающий поток автомобилей, гремели, разворачиваясь на углах, тяжелые танки. Танки и самоходные пушки шли по сожженному, взорванному Крещатику на Брест-Литовское шоссе, вперед и вперед, не останавливаясь, по направлению к Житомиру — мимо Ирпеньской поймы, мимо теперешних кардиологических санаториев, домов отдыха...

Сегодня по Крещатику, совершенно новой улице, идут с родителями дети, семилетние и восьмилетние, родившиеся в Киеве и уже не знающие, что такое война и пожары. Ребятишки придут сегодня к двум памятным могилам — генерала Ватутина, чьи армии освободили Киев, и старшего лейтенанта Шелуденко, чей танк десять лет назад первым ворвался в освобождаемый от врага Киев, — и вместе со своими отцами, матерями и тысячами других киевлян будут молча стоять перед этими могилами, украшенными венками из осенних астр...

Киев раскинулся на своих холмах, как живая книга нашей истории. Софийский собор XI века помнит битвы с печенегами; на другом холме — Лавра, где находится гробница Нестора Летописца, и церковь Спаса на Берестове с гробницей основателя Москвы Юрия Долгорукого. На Подоле — домик Петра Великого, Контрактовый дом — в нем бывал Пушкин, как и в домике Раевских на улице Кирова. По аллеям одного из чудесных киевских парков прогуливался Лермонтов; в маленьком домике по Крещатицкому переулку жил Шевченко. Вот улица Жадановского: по ней революционер офицер Жадановский провел в 1905 году восставшие саперные части. А тут жила семья Ульяновых; а здесь находился штаб Николая Щорса... И вот — наново восстановленный, значительно расширенный киевский университет, дотла сожженный гитлеровцами ровно десять лет назад. Древняя и новейшая история развернулась и запечатлелась на улицах вечного города!

Сейчас Киев кажется особенно прекрасным — восстановленный и отстроенный, с каждым днем делающийся все более красивым. Если вы уехали из Киева хотя бы на один месяц, то, возвратившись, вам уже придется много ходить по городу, чтобы познакомиться со всем новым, что создано за время вашего отсутствия. Вот и сейчас вступили в строй огромные дома на площади Калинина, почти закончено еще несколько новых зданий на Крещатике, светлых и просторных. Проедем на троллейбусе или трамваем к бывшим окраинам — и увидим там номера (названий еще нет!) многочисленных «новых» улиц! Там, где были пустыри и поле, — ряды новых больших домов. На вершине одного из киевских холмов, напротив площади Калинина, вздымаются деревянные вышки — это берут пробу грунта из-под будущего здания центральной гостиницы. Она будет возвышаться над всеми киевскими домами, как символ гостеприимства украинской столицы...

На высоком гранитном пьедестале, что стоит против древней Софии, на полном скаку остановил бронзового коня Богдан Хмельницкий. Булавой своей он показывает тот единственный путь, который спас жизнь украинскому народу как нации: на единение с Москвой, на вечный братский союз с великим русским народом!

Этот союз сыграл историческую роль в жизни украинского народа. И тогда, когда войска Петра I на украинской земле и при помощи украинского народа разбили орды Карла XII. И тогда, когда будущий автор «Энеиды» Иван Котляревский вербовал казаков в армию Кутузова. И тогда, когда Шевченко встретил незабываемую для украинского народа поддержку Чернышевского. И тогда, когда плечом к плечу с русским рабочим классом пролетарии Киева, Харькова, Одессы и Донбасса проходили суровую школу борьбы против общего врага — русского самодержавия. И тогда, когда на клич партии: «Украина освобождается — спешите к ней на помощь!» — полки Красной Армии пришли на поддержку украинских трудящихся. И позже, когда Советская Украина стала на путь коллективизации и когда все народы СССР во главе с русским братом освободили украинскую землю от немецко-фашистских захватчиков, помогли восстановить наше народное хозяйство, и сегодня, когда страна оказывает каждодневную помощь нашему дальнейшему росту и развитию.

В буднях сегодняшнего Киева можно увидеть, как союз с великим русским братом пронизывает каждый день нашей жизни во всех ее проявлениях. Дети во всех школах вместе с украинским языком изучают и русский. Русская речь наравне с украинской слышится отовсюду. Самолеты привозят из Москвы матрицы «Правды», и киевляне получают свою любимую газету почти одновременно с москвичами. К нам приезжают ученые и новаторы производства из Москвы и Ленинграда поделиться своим опытом. Гастроли московских театров стали традицией в украинской столице так же, как и гастроли украинских театров в русских городах.

Вечный город, древний, как сама наша Родина, мать русских городов и в то же время столица Украины — Киев — живет и цветет на славу нам и на страх врагам нашим!

Ал. ПОЛТОРАЦКИЙ

КИЕВ

На снимке: **Крещатик** **Фото Н. Козловского**

В праздничные дни

Оживленно по вечерам в клубных помещениях Ленинградского университета имени А. А. Жданова. Хор разучивает песни народов нашей страны; солисты — новые песни советских композиторов; коллектив художественного слова репетирует новый литературный монтаж; доносятся звуки оркестров народных инструментов и духового. В праздничные дни 18 студенческих коллективов художественной самодеятельности дадут одиннадцать выездных концертов.

Многие коллективы художественной самодеятельности Ленинграда подготовили праздничные программы концертов, новые постановки. Участники театрального коллектива Дворца культуры имени М. Горького покажут премьеру пьесы «Кто смеется последний» К. Крапивы, клуба «Профинтерн» — «Раки» С. Михалкова, клуба «Ленэнерго» — «Заговор обреченных» Н. Вирты, Дворца культуры имени Капранова — «Баню» В. Маяковского.

В дни праздника лучшие самодеятельные коллективы примут участие в массовых народных гуляниях на площадях города.

Заканчивают работу над праздничными премьерами и коллективы художественной самодеятельности области. Один из лучших сельских самодеятельных коллективов — Староладожский — готовит две новые постановки: «Последняя исповедь» Ю. Никулина и «Женитьба Бальзаминова» А. Островского.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.).

Расширение Музея Революции СССР

За фасадом старинного особняка на улице Горького в Москве, где расположен Музей Революции СССР, выросли два примыкающих к нему трехэтажных корпуса. Один из них полностью готов к приему новых экспозиций, второй будет достроен в скором времени. С пуском новых корпусов площадь музея увеличится более чем вдвое. Это даст возможность значительно расширить его экспозиции. Созданный около тридцати лет назад, музей уже не может вместить все собранные за эти годы материалы — около 300 тысяч ценных экспонатов.

В новых корпусах найдет отражение вся история Советского государства. Коллектив музея подготовил два больших раздела. Один из них посвящен периоду иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.), другой — периоду перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.).

В музее готовятся и другие разделы: «СССР в период борьбы за социалистическую индустриализацию», «СССР в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства», «СССР в период борьбы за построение социализма и постепенный переход к коммунизму», «Великая Отечественная война Советского Союза». Заключительный раздел даст наглядное представление об успехах советского народа в борьбе за послевоенное восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства страны.

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

Ирина ИРОШНИКОВА

АННА МАСЛОВА

— Вот начнешь о себе рассказывать, и как будто нечего, а на самом деле столько было всякого,— говорит Аня Маслова, заплетая косы.

Волосы у нее густые, каштановые, с мягким блеском, с чуть рыжеватым отливом. Аня гладко, на пробор, причесывает их, укладывает сзади тяжелыми косами.

Незатейливая эта прическа удивительно гармонирует со всем ее обликом: нежным овалом лица, с карими, задумчивыми глазами, белым воротничком на темном платье.

— В общем, я не мечтала работать на заводе. Думала стать учительницей.— Аня смотрит в окно, не пришла ли машина.

День за окном осенний, хмурый. Ветер гонит вдоль тротуара сухие листья, раскачивает деревья. Вдалеке, на фоне серого неба — очертания завода.

Аня — аппаратчица Чирчикского электрохимического комбината имени Сталина. О ней недавно писала «Правда»: «Анна Ивановна Маслова выступила инициатором социалистического соревнования за отличное ведение технологического процесса и за выпуск на этой основе дополнительного количества минеральных удобрений».

Министерство направило Аню вместе с главным инженером Чирчикского комбината тов. Бурлаченко и председателем завкома тов. Саратовским для обмена опытом на Сталиногорский химкомбинат.

И вот мы с Аней сидим в неуютном номере одной из сталиногорских гостиниц, ожидая машину, чтобы ехать на завод, и разговариваем.

— Простая моя биография и короткая,— легонько вздыхает Аня,— никаких особых событий в ней нет.

Голос у нее грудной, чуть глуховатый, интонации сдержанные.

Жила в Горловке у дяди, училась в школе — война: дядя ушел на фронт...

— Мы с теткой и малышами уехали в Среднюю Азию, в город Чирчик. Там поступила работать на завод... Так мне трудно все поначалу давалось! — Аня умолкает на миг.— Приняли меня в комсомол, вступила в партию. Что вам еще сказать? В этом году без отрыва закончила среднюю школу. Поступила на третий курс техникума. Все!

Аня задумывается. Потом продолжает:

— Никогда не забуду, как я первый раз пришла на завод. Время какое было, сами знаете. Сводки плохие с фронта. Писем от дяди нет. Настроение тяжелое. Жили трудно, голодно, холодно, а у нас с теткой двое маленьких на руках, третью только что схоронили. Дядя ее и не видел, она без него уже в Чирчике родилась... Стою я у проходной, жду пропуска, и дрожь меня берет, то ли от холода,— зима была,— то ли от страха. А завод за воротами гудит, гудит... И что меня ждет впереди, не знаю...

Аня рассказывает о Чирчике, и в моей памяти возникают занесенные снегом улицы сибирского городка; проходная того завода, на котором работала и я в войну; фигурки девушек и ребят у проходной. В отцовских ватниках и спецовках, в шинельках ремесленников, как и Аня, приходили они на наш завод, на другие заводы. Как и Аня, принимали на свои полудетские плечи ответственность за страну.

Аня говорит о себе, а мне почему-то кажется, что рассказывает она и о них так, как будто ее судьба в чем-то повторяет и продолжает их судьбы...

* * *

Представим себе цех синтеза химического завода: шеренги наглухо закрытых башен-колонн. На первый взгляд они кажутся застывшими в своей монументальной неподвижности. Но если всмотреться... Вздрагивают, колеблются темные стрелки приборов, движутся по графленой бумаге перья самопишущих газоанализаторов, разноцветными огоньками вспыхивают лампочки на контрольных щитах. Невидимые, неслышные процессы непрерывно совершаются в этих башнях.

Представим себе на рабочей площадке темноглазую, худенькую девочку с косами.

С тревогой всматривается она в показания приборов. В инструкции сказано: «...основная обязанность аппаратчика— строгое поддержание нормального технологического режима».

Колонны синтеза — это сердце завода. В них азот, соединяясь с водородом, рождает аммиак.

Аммиак перерабатывается в аммиачную селитру — удобрение, обладающее такой животворной силой, что, будучи внесенным в почву, повышает урожай хлопка или, скажем, свеклы в несколько раз.

Еще теплая, непрерывным белым потоком течет аммиачная селитра из бункера в бумажные мешки, а у ворот цеха уже стоят готовые к погрузке вагоны.

Они повезут удобрения на хлопковые поля.

Но вернемся к девочке у колонн. Это Аня Маслова — много лет назад.

— Валя,— с тревогой говорит она аппаратчице, которая обучает ее,— взгляни, температура как будто падает.

— Падает, — подтверждает спокойно Валя,— разгружай колонну.

Легко сказать—разгружай! Аня и сама знает (из инструкции), что если температура падает, нужно тотчас уменьшить подачу газа. Но на деле... Как к этому подступиться? Насколько прикрыть вентиль? Как бы еще не перепутать, какой!

— Валя,— умоляюще говорит Аня,— я же еще не могу сама...

— Учись! — Валя сурова.— За чужой спиной никогда не научишься...

Неуверенными руками Аня берется за вентиль. Ох, как нелегко работать на химическом производстве, особенно в таком сложном цехе, как синтез аммиака!

Аня знает, что могучие разрушительные силы заключены в этих аппаратах. Нарушение режима может привести к катастрофе.

Но дело не только в этом.

Производительность, качество, экономия — все в химическом производстве зависит от соблюдения нормального технологического режима. Это—закон для аппаратчика. Никаких отклонений от режима! Аня строго соблюдает этот закон. В ее смене перо самопишущего прибора выводит на ленте ровный, как ниточка, ход процесса.

Аню хвалят, о ней пишут в многотиражной газете. Время идет, накапливается опыт. Наступает техническая зрелость — и то, что раньше казалось раз навсегда установленным, непоколебимым, теперь осмысливается ею критически, а затем — приходят новые решения.

* * *

В пятой пятилетке перед коллективом Чирчикского комбината возникла новая серьезная задача: на том же оборудовании, с теми же людьми значительно увеличить выпуск удобрений. В этих условиях цех синтеза оказался узким местом комбината.

Прежде всего руководство комбината обратило внимание на нарушение режима в цехе синтеза. Это был тот резерв, который следовало использовать в первую очередь.

Директор комбината Костандов повел разговор об этом с Масловой. Много лет проработав главным механиком завода, он знал людей, удерживал в памяти стиль работы многих из аппаратчиков, по его выражению, «рабочий почерк»...

Костандов не раз наблюдал за Аней в цехе: работает вдумчиво, спокойно, анализирует показатели.

Спросишь — точно и обстоятельно охарактеризует работу колонны. В ее объяснениях — глубокое понимание процесса.

Костандов знал, что Аня кончает десятый класс вечерней школы. Сам производственник, он понимал, какое упорство нужно для того, чтобы, работая в сменах, к тому же учиться.

Аня казалась ему человеком большой душевной силы. Такие не легко принимают решения, но, раз решив, обязательно добиваются своего.

«Вот если бы Маслова выступила инициатором работы без нарушений режима, а у нее на это все данные, — прикинул Костандов,— за ней пошел бы народ...»

Он знал: Маслову уважают в цехе.

Так директор ей и сказал. Они стояли вдвоем у колонны. Как всегда в вечернюю смену, в цехе было тихо и малолюдно.

Выслушав, Аня покачала головой:

— Леонид Аркадьевич, а ведь дело не только в нарушениях. Надо сузить вообще температурные границы режима...

— Ты имеешь в виду работу на оптимальных режимах?

— Да. Ведь мы по опыту знаем: колонны дают наибольший выход аммиака в пределах десяти-двадцати градусов. В этих пределах и надо работать. — Она говорила убежденно, как о много раз передуманном, глядя прямо в лицо директору спокойными карими глазами.

— То есть ты предлагаешь пересмотреть существующий режим? — уточнил Костандов.

— Да, — без тени сомнений сказала Аня, — потому что он нам мешает. Кое-кто из аппаратчиков давно так работает. Рая Наумова, например, Фая Зайдинова... А у других девушек принимаешь смену, температура либо очень высокая, либо скачет туда-сюда. И упрекнуть их не в чем. Все законно, все в установленных режимом границах.

Он внимательно посмотрел на Аню. Обыкновенная девушка, каких на заводе тысячи. В темной спецовке и светлой косыночке, буднично стоит на рабочем месте и предлагает ломку существовавших годами технологических норм.

— Что ж, посоветуемся, подумаем, — коротко сказал директор. Мысленно он уже прикидывал план действия.

Вскоре партийно-хозяйственный актив комбината постановил: «Одобрить и распространить почин Масловой».

* * *

Днем чирчикская делегация—Бурлаченко, Саратовский, Аня — ходила по цехам Сталиногорского химкомбината.

В каждом цехе «молнии»: «Включаясь в социалистическое соревнование по почину Масловой...», «Поддерживая патриотическую инициативу Масловой...».

— Маслова—это которая? С косами? — слышится заинтересованный шопот.

Аня с охотной готовностью отвечает на многочисленные вопросы. Держится она просто и уважительно, как-то сразу располагает к себе.

О многом Аня расспрашивает сама, кое-что отмечает в блокноте, застенчиво поясняя при этом: «Чтоб не забыть! А то приеду, наши девочки в цехе обязательно спросят: как же там, на Сталиногорском заводе, люди работают и живут?»

— Девочки, вы на оптимальных режимах работаете? — спрашивает она у аппаратчиц. — А почему тогда границы на ленте не обозначены? Так гораздо удобнее: малейшее нарушение сразу бросается в глаза...

Или:

— Чтобы узнать состав смеси, вам в лабораторию бегать приходится. У нас поначалу тоже так было, что все приборы в разных местах. Но мы настояли, и теперь у нас установлен единый щит...

Девушки шумно вздыхают и хором принимаются критиковать начальство.

— Ладно же! Мы на собрании все выскажем. Мы предъявим свои условия...

Вечером все сидят в заводской столовой. Только что закончилось собрание по обмену опытом, и аппаратчицы пригласили чирчикскую делегацию на «чашку чая».

Шумно и весело. Как всегда, когда сходятся люди одного дела, разговоры не умолкают. Личное переплетается с деловым, серьезное — с шуткой.

— Вы знаете, — говорит мне соседка справа (она — начальник смены, зовут ее Мария Петровна),—как это начинание ценно для нашего цеха? Ведь у нас технологический процесс гораздо чувствительнее к температурам, чем синтез аммиака... Положить вам еще ветчины?

Видная, статная, она держится за столом любезной хозяйкой хорошего дома.

— Аня, у вас пустая тарелка, попробуйте вот этот салат.

Раскрасневшаяся, сияя счастливыми глазами, Аня в центре внимания.

— Регуляторы на насосах поизносились,— громко жалуется ей рыженькая курносенькая девушка, аппаратчица синтеза, — совсем не держат оборотов. Это просто мучение. Я к насосам касаться не должна. Мое дело—следить за режимом колонны. А я все время, как сумасшедшая, от колонны к насосам бегаю. Разве при этих условиях в десяти-пятнадцати градусах процесс удержишь?!

— Главк должен помочь нам контрольно-измерительными приборами, — говорит главный инженер Сталиногорского комбината Кильштедт.— Весь вопрос для нас в этом.

И он прав. Но дело тут не только в главке, даже не в министерстве. Контрольно-измерительные приборы — продукция фондируемая, а выделяемые фонды никак не покрывают потребности. Вот, например, регуляторов, которые портят жизнь моей рыженькой соседке, выделено всему министерству только четвертая часть от заявленного количества.

— Я сегодня по вашим цехам походила,— говорит директору Сталиногорского комбината Аня,— и скажу откровенно: у нас аппаратчицам работать легче...

— Нет, вы ничего не кушаете, Аня, — возмущаясь, Марья Петровна накладывает ей на тарелку какой-то снеди.

— Никак не могут понять,—доносится с другого конца стола басовитый голос парторга ЦК Козлова,— что это движение исключительно подходит к нашему времени. У нас, у химиков, ответ на решения сентябрьского Пленума ЦК вот такой...

— А как же, — поддерживает его кто-то, — повышение урожаев — прямая забота химиков.

* * *

По дороге из Сталиногорска в Москву мы поем. В машине, не считая водителя, нас четверо: Бурлаченко, Саратовский, Аня и я. Юность каждого из нас была комсомольской, поэтому поем мы по преимуществу комсомольские песни, и мало-помалу воспоминания прошедших лет — такова сила песни — овладевают каждым из нас.

Пожалуй, яснее всего почувствовать анин характер — сдержанную страстность ее души—можно, когда она поет. Поет она беззаветно, вкладывая в песню что-то настолько личное, настолько свое, что знакомые слова и звучат и волнуют по-новому:

Прощайте, скалистые горы,—
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.

Бьется в стекла машины ветер и дождь. Срываясь с горы, летит навстречу дорога. За завесой дождя угадываются огни Москвы. А я гляжу на тонко очерченный профиль девушки и думаю о том, что в ее судьбе, такой типичной для ее поколения, ощутимо и явственно проявляется великий закон нашей жизни, ведущий человека все вперед и выше...

СТАЛИНОГОРСК

Дочь калининского колхозника, двадцатидвухлетняя Нина Алексеева недавно закончила курс обучения в Бологовском зоотехническом техникуме. В эти предпраздничные дни молодой зоотехник Нина Алексеева приехала на работу в колхоз-миллионер «Гранит» Краснохолмского района, Калининской области. **На снимке:** встреча Нины Алексеевой (вторая справа) в колхозе. Ее встречают (слева направо): бригадир полеводческой бригады Анна Андреевна Патракеева, счетовод колхоза Алексей Арсентьевич Мальков, парторг колхоза Виктор Ефимович Феоктистов, заведующая молочной фермой Клавдия Ивановна Вавилова и один из старых членов артели Ефим Петрович Малофеев.

Фото В. Поспелова

Первый садовод Сахалина

Терентия Федоровича Мысника называли первым сахалинским садоводом. Этот почетный титул утвердился за человеком, который вырастил в Александровске, на Дальневосточной улице несколько яблонь, привезенных с материка.

Пожилой худощавый человек в очках, одетый в выцветшую военную гимнастерку, повел меня в дальний угол двора, и здесь, за живой изгородью смородины, мы увидели деревья, лежавшие на земле.

Яблони с наливающимися плодами распростерлись во все стороны, словно прижатые к земле буйными ветрами. Мне довелось видеть в тайге, главным образом на опушках, такие же стелющиеся тополя и березки, склонившиеся под ударами шторма. Что-то беспомощное, обреченное было и в этих поверженных деревьях, и если б не крохотные яблочки, тускло светившиеся в редкой листве, подумалось бы, что неласковый климат далекого острова загубил отважных пришельцев с материка.

Терентий Федорович рассказал, как удалось ему отстоять каждое деревцо, — для этого он и заставил свой сад прильнуть к земле,—сколько изобретательности понадобилось, чтобы вырастить яблони и собрать первый урожай.

На одном дереве с тонким, словно прутик, изогнутым стволом еще не было завязи. Садовод сказал о нем:

— Мой гибрид, скрестил я сахалинский дичок из тайги с мичуринским наливом. Хорошо идет в рост...

Он назвал свою яблоню сахалинкой.

Это было в 1945 году. Я уезжал из Александровска, сохранив в памяти облик садовода, мечтавшего о тех временах, когда на Сахалине так же, как и в его родной деревне Турец, под Черниговом, зацветут яблони.

Прошло восемь лет, и вот я снова открываю калитку сада на Дальневосточной улице. Все деревья выжили, возмужали, и юная сахалинка стала уже крепкой, с узловатым стволом яблонькой. Садовод дождался ее плодов, но дерево пережило своего создателя: Терентий Федорович умер в 1947 году, простудившись в пути из Сучанского заповедника, куда ездил за саженцами.

В Александровском музее на видном месте висит портрет Мысника. Он изображен художником в своем саду, среди яблонь, протянувших к нему отягощенные плодами ветви.

Садоводство еще не получило широкого распространения на острове, где выращивание овощей является сегодня более важной задачей, чем выведение морозоустойчивых сортов яблонь или слив. Но, видя достижения сахалинских колхозов, получающих с помощью мичуринской науки хорошие урожаи овощей, я частенько вспоминал садовода с Дальневосточной улицы.

Вскоре довелось мне побывать на западном побережье острова. Мы ехали в Холмск. Дорога, проложенная по берегу моря, была густо присыпана снежной крупой. Дул порывистый, влажный, очень холодный ветер.

Машина свернула на проселок. Перед нами открылся во всей своей суровой красоте Западный хребет. Дождь пополам со снегом наводил тоску, предвещая остановку на первом же подъеме.

Так и произошло. Машина безнадежно забуксовала на раскисшем проселке, вдобавок кончилось горючее, и после непродолжительной и довольно унылой дискуссии мы пошли за помощью в деревню.

Когда мы, увязая в грязи, поднялись на холм, то были вознаграждены поразительным зрелищем. На просторном плато, прикрытый с севера высокими сопками, привольно раскинулся молодой сад.

Это были уже не согнутые в три погибели, не прижатые к земле деревья. Нет, они стояли во весь рост, образовав широкие, по ниточке вытянутые аллеи, на которых зеленели кустики перезимовавшей клубники. В отдалении, на берегу горного ручья блеснула стеклянная крыша теплицы.

На ветвях яблонь сверкали первые зеленые искорки: здесь, под защитой сопок, преградивших дорогу северным ветрам, весна увереннее принималась за работу.

Перед нами было опытное хозяйство Сахалинского филиала Академии наук. Советские ученые продолжают дело, которому отдал свою жизнь александровский садовод.

Был воскресный день, и никто, кроме сторожа, не повстречался нам в саду. Старик с удовольствием водил нас по аллеям, угостил в теплице сочной редиской, любезно пригласил отведать осенью яблок и попутно называл собранные здесь мичуринские сорта. Одна яблоня была высажена в самом уютном местечке, за ручьем. Когда я спросил о ней, старик сказал:

— Мы зовем ее сахалинкой.

И. ОСИПОВ

Семья Волковых

Нат. СОКОЛОВА

Неторопливо ползла по конвейеру рама, сначала перевернутая «лицом вниз», а потом в нормальном положении, обрастая деталями. Люди крепили к ней колеса, устанавливали двигатель, монтировали механизм и приборы, медленно на стропах опускалась на свое место кабина, затем платформа, — и вот в конце третьего участка съезжала вниз готовая машина, очередной новенький, свежепокрашенный двухосный «ЗИС-150», к пластмассовой «баранке» которого впервые прикоснулись руки водителя.

На четвертом участке стояли машины с поднятыми капотами — ждали контролера. Если капот опущен, — стало быть, порядок, контролер пропустил машину, и ей теперь прямая дорога через широкие выходные ворота цеха туда, в отдел сбыта,— и дальше в жизнь. Если же на радиаторе появилась надпись мелом,— плохо дело, значит, у машины есть дефекты и, пока они не будут устранены, до тех пор ей не служить людям.

Николай Волков, мастер ОТК, под началом у которого находились двадцать восемь контролеров конвейера номер два, сидел в кабине машины, включал и выключал мотор, прислушивался. Звук ему не понравился — правильно сделал контролер, задержав машину. Самое трудное и одновременно самое важное в работе контролера— это определить причину, поставить диагноз заболевания, ибо, не зная этого, нельзя лечить. Обязанность контролера — записать, что именно мешает нормальной работе двигателя, и подсказать, как эту помеху устранить. А помехой иногда бывает крошечный, еле видимый заусенец там, глубоко внутри.

Кто это кричит? Волков нахмурился — он не любил крика в цехе, а в особенности не терпел брани. По его мнению, за мат на производстве надо было карать, как за брак,— ведь культура производства требует не только чистого пола в цехе, не только опрятных рук рабочего!

Кричал мастер, он вдохновенно бранился с контролерами, обвиняя их во всех смертных грехах. Придираются! Постоянно срывают ему выполнение плана! Задерживают машины! Вот и сегодня опять...

Волков подошел. Контролеры были правы: кузов машины слегка смещен влево. Мастер пробовал сначала отрицать это, потом схватил кувалду и стал бить — кувалда тут, конечно, не могла помочь, кузов и не думал поддаваться вправо. Волков остановил его за руку — он не выносил варварского отношения к технике. Окончив еще до войны автотранспортный техникум, Волков работал то старшим мастером, то техником-контролером в крупных ремонтно-прокатных организациях, занимался ремонтом автомобилей, тракторов, дорожных машин. Любовь к механизмам составляла теперь часть его жизни, и он не мог допустить, чтобы так обращались с машиной. Это все равно, что ударить женщину или ребенка...

Мастер сбавил тон.

— Николай Ефимович, будь другом, пропусти машину, мы ее задним числом потом доделаем. Завтра, в утреннюю смену. Тут и разговор-то о сантиметрах. Мог бы напоследок помягче быть, ты ведь не сегодня-завтра уезжаешь от нас в деревню. Тебе-то что—придет или не придет к нам рекламация на эту машину? Все равно в твою МТС сорока об этом на хвосте не принесет...

— Придется разобрать и переделать. Сегодня же, в эту смену.— Волков, уже отходя, оглянулся через плечо, спокойное лицо его не изменило своего выражения, но щеки густо потемнели.— Мне вас не только на знаменитом предприятии видеть обидно, но я такого, как вы, со всей вашей квалификацией, на выстрел не подпущу и к своей МТС. Лучше с азов начну обучать паренька, лишь бы у него совесть была на месте!

Войдя к себе в конторку, Волков сел и стал разбирать документы, чтобы успокоиться. Повышать голос, вообще говоря, не следовало. А впрочем, в этом случае, пожалуй, как раз следовало. Интересно, как Клава посмотрит, когда он вечером расскажет ей?

С женой ему особенно в эти дни о многом приходилось советоваться...

* * *

Они познакомились случайно.

Моряки — народ подтянутый и, надо прямо сказать, франтоватый. Когда вам двадцать один год, вопрос о том, как сидит бушлат, кажется вопросом большой важности. Осенью сорок первого года флотские ребята, несмотря на сложную фронтовую обстановку и тяжелый воинский труд, находили время и охоту, чтобы забежать к знакомой портнихе, переделать выданную форму таким образом, чтобы нигде не набегало, не морщило и не тянуло. Адресок передавали от одного к другому. Дом был семейный, и многие потом просто заходили на огонек — тянуло ребят к домашнему теплу.

— У нас сегодня гости, — сказала однажды хозяйка, открывая дверь Николаю Волкову, мотористу дизельного катера.— Племянница и ее подруга заехали из села. Да вы заходите!

Они стали видеться—москвич-старшина и Клава, девушка с Кубани, которая только что окончила Краснодарский пединститут. Она работала в районном центре, недалеко от приморского города и приезжала то за тетрадями, то за наглядными пособиями. Наезды становились все чаще...

Но вот линия фронта продвинулась вперед, и настал день эвакуации гражданского населения. С дороги приходили письма — их привозили моряки, знакомые и незнакомые. Клава писала: «Еду дальше. Как решится моя судьба, не знаю. Знаю одно — при первой возможности всеми правдами и неправдами буду пробираться в город». Милая, куда там теперь пробираться? Город бомбила авиация противника. Но читать клавины карандашные каракули было все равно приятно.

Волков только что вернулся с боевого задания и сошел на берег, чтобы пообедать во флотской столовой. Подали щи, а рядом переминался с ноги на ногу товарищ, для которого не нашлось свободного места. «Послушай, Николай, к тебе жена приехала». Волков подмигнул с понимающим видом — дескать, ищи простаков в другом месте: «Если тебе надо скорее пообедать, так ты прямо говори, по-честному. Уступлю очередь. А на кривой меня не объедешь».

— Нет, кроме шуток. Стоит возле часового, просит вызвать старшину Волкова. Хорошенькая, между прочим.

Николай дошел до двери с довольно независимым видом, но по двору побежал что есть силы.

И верно, приехала! За проволокой стояла Клава, похудевшая, дочерна загорелая — одни светлые глаза выделялись на лице.

— Куда иголка, туда и нитка,— тихо и твердо сказала девушка, когда руки их встретились сквозь колючую проволоку, которой была обнесена база.— Никуда я от тебя не поеду.

В конце лета сорок третьего года Николай Волков ехал на попутном грузовике через весь Краснодарский край в станицу Васюринскую, где гостила у своих стариков Клава. Ему дали отпуск на трое суток — не каждый год родится у человека сын, первенец! Пропыленный насквозь, зажав в зубах ленточки от бескозырки, старшина трясся в кузове и, держась руками за высокий борт, улыбался такой счастливой молодой белозубой улыбкой, что встречные оглядывались. Все для него, горожанина, тут было ново, и все казалось прекрасным. Высокими хлебами шумели кругом поля. Такой и вошла в сердце Николая Волкова Кубань — вместе с большой радостью его жизни, вместе с мыслями о сыне — щедрая земля, земля тружеников, притихшая перед уборкой, как перед боем, вся как бы окрашенная одним цветом, цветом тусклого, чуть припыленного золота созревающих хлебов.

* * *

После войны Волковы обосновались в Москве — сначала у его матери, потом получили свою комнату. Жили неплохо, зарабатывали вдвоем около двух тысяч рублей, случалось, и больше. Но Клаве не хватало степных просторов, горячего кубанского солнца, соловьиной песни под черным южным звездным небом, которую она столько раз, бывало, слушала девочкой в палисаднике отцовского дома. В Москве не услышишь таких песен и не увидишь такого неба. Не хватало ей изобилия фруктов, овощей и цветов, удовольствия встать утром пораньше и, ступая босыми пятками по влажной рыхлой земле, часок до работы повозиться в огороде.

А интересно, как сложилась бы их жизнь, не увези ее тогда Николай в Москву? Работа нашлась бы, об этом и говорить нечего. В станичных десятилетках так же изучали английский язык, как и в Пролетарском районе города Москвы, где она преподает. А техник Волков с его солидным опытом по ремонту тракторов и автомашин, с его знанием двигателей всех марок и систем был бы золотым работником для всякой МТС. Его еще тогда секретарь райкома уговаривал остаться.

Теперь отец умер, мать продала домик и уехала к старшей сестре. Связь с родными местами оборвалась, если не считать того, что Клава с сыновьями (их стало уже двое!) частенько ездила летом погостить в Васюринскую к подруге детства. Побывав в станице, мальчики потом бредили купаньем в бурной Кубани, рыбной ловлей на зеркально ровном Тщикском водохранилище, простыми радостями станичной жизни.

Волковы подумывали иногда о переезде, вели шопотом полуночные разговоры, прислушиваясь к дыханию спящих детей. Сняться с насиженного места, бросить московскую квартиру? Сколько встречается людей, жизнь которых уходит на то, чтобы сторожить жилищную площадь, не потерять ее, как будто люди — для площади, а не площадь для людей. Годами человек работает не по специальности, обедняет свою жизнь, но зато удерживает «на всякий случай» свои квадратные метры. Молодая жена не едет вслед за мужем, окончившим вуз,— разрушается брак, ребенок растет без отца, но зато «жировка» осталась без изменений, зато сохранена она, жилищная площадь!

Николай жадно расспрашивал тех, кто приезжал из деревни,— да, деревня насыщается механизмами, есть где развернуться человеку с техническим образованием. Он понимал — там для него, ремонтника по призванию, откроется более широкое поле деятельности, он будет нужнее, заметнее.

И все-таки семья оставалась на месте. Большая сила — инерция. Не так-то это легко и просто — изменить жизнь, начать ее сызнова на новом месте. И попрежнему утром Волков в «рабочей» гимнастерке шагал к метро, Женя, старший, бежал в школу через переулок, а сонного, толстого Володьку везли к бабушке, потому что не на кого было его оставить.

...Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС Волков читал в цехе, в обеденный перерыв. То, что вчера еще представлялось ему сугубо личным делом, сегодня стало делом общественным, государственным, всенародным. Задумался: он, коммунист, размышлял, решал, собирался и все-таки не собрался. Отчего? Знал ведь, что его там ждут, что он нужен, знал и другое — что семье там будет лучше жить, а ему интереснее работать. Что же, требовался толчок, чтобы до конца понять, где же его настоящее место?

Волкову представляется величественная картина. Партия сказала — надо! «Надо» партии сливается с «хочу» простых людей. У одного давно душа болит, что в его родной деревне неважно работает колхоз, и нужен был только толчок, чтобы желание стало действительностью. У другого большая семья, ему куда лучше будет жить в селе, специальность тоже подходящая — была бы только уверенность, что для работников МТС создадут условия. Третьего властно тянет к земле, там — его призвание. Четвертого, как Николая Волкова, зовет край, где он воевал, где полюбил и впервые узнал радость отцовства. Все эти личные причины складываются воедино, переплетаются с большим, историческим. Скрещиваются ручейки, и вот рождается то половодье, тот людской поток, который хлынет в колхозы по зову партии!..

* * *

Волковы идут домой от метро. Николай несет отяжелевшего Володьку, который дремлет. Клава шагает быстро, легко, нагнув голову навстречу ветру, придерживая шляпу. Моросит дождь.

— Хорошо, что послезавтра едем, сейчас там самые дела...— Николай поправляет голову ребенка на своем плече.— Скорее бы устроиться и с головой в работу!

— Не знаю, как тебя, а меня в первую очередь должны устроить,— говорит Клава.— Учительнице полагается квартира, бесплатные дрова и земля, которую ей же вспашут, — только сажай.

Чорт возьми, это немного обидно, когда жена такая самостоятельная и вроде бы совсем в тебе и не нуждается! Волков смотрит на нее сверху вниз, но воздерживается от критики. Он в семье не такой решительный, как в цехе.

— Ты помнишь кузнеца с нашего завода? С нами вместе в райкоме был.

— Плечистый такой? — припоминает Клава.

— Хотел ехать в МТС. А через три дня приходит, мнется: «Извините, у меня невеста появилась, придержите заявление, теперь, если ехать, то вдвоем».

— Невеста не помешает,— говорит Клава.— Поедет с ним.

— Смотря, какая девушка.

— Да, конечно.

Они шагают рядом по мокрому блестящему тротуару, и Клава рукой поддерживает голову сына, чтобы мужу было удобнее его нести.

Доброго вам пути, мои друзья!

В. ЕРМИЛОВ

О НАРОДНОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

III.

Художественной реальностью отличается собирательный образ народа в эпических поэмах Маяковского «Хорошо!» и «Владимир Ильич Ленин». Развитие народности в творчестве Маяковского выражалось, в частности, именно во все более глубокой индивидуализации, а тем самым конкретизации образа народа. Образ революционного народа в поэме «Хорошо!» становится живым, как и в горьковской эпопее, тоже, по преимуществу, благодаря индивидуальным языковым характеристикам отдельных, не названных поименно персонажей; в коротких репликах выражаются и характеры отдельных персонажей, и характер революционного народа. Достаточно вспомнить реплику, которая стала классической, удивительно точно выражая и самое главное в изображаемых исторических событиях, и победоносный народный юмор, и народное чутье к богатству слова разнообразными смысловыми оттенками. В зал Зимнего, где находятся министры Временного правительства, врываются — бушлаты, шинели, тулупы.

И в эту
тишину
раскатившийся всласть
бас,
окрепший
над реями рея:
«Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время».

Именно художественная реальность, активность образа народа и дает возможность Маяковскому в поэме «Владимир Ильич Ленин» создать эпический образ гениального вождя рабочего класса. Образ народа и образ вождя сливаются в одном величественном образе Коммунистической партии, представляющей собою мозг рабочего класса, славу и силу всех трудящихся. Пафос поэмы и вся любовь поэта к Ленину, к рабочему классу, к народу, к социалистическому Отечеству — все это выражено в словах:

Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово —
партия.

Подлинная народность поэмы «Владимир Ильич Ленин» сказывается уже в самой ее композиции. Поэт рассматривает биографию Ленина в неразрывной связи с историей рабочего класса и трудящихся России и всего мира.

Развернув широкую эпическую картину жизни трудового человечества при капитализме — от иваново-вознесенских фабрик до колониальных плантаций, создав «капитализма портрет родовой», — не статичный, а изменяющийся, — от прогрессивной исторической роли капитализма до его упадка и загнивания, — со всей эмоциональной силой показав накопление возмущения и гнева в сердцах трудовых людей всего мира, Маяковский выразил тему исторической необходимости появления такого вождя, каким был Ленин.

Весь ход сюжета поэмы и заключается в изображении того, как,

...обданный
силой
и мыслями масс,
с классом
рос
Ленин.

Пафос Маяковского — в страстном поэтическом доказательстве той истины, что народ рождает героев.

В итоге такого решения темы народа и вождя поэт и приходит к своему замечательному идейно-художественному достижению, заключающемуся в том, что образ народа, рабочего класса, трудового человечества усиливает образ Ленина, а образ мудрейшего, гениальнейшего вождя усиливает образ народной массы. Несомненно, что именно такой характер отношений между вождем и народом хотел выразить Горький в сцене встречи Ленина у Финляндского вокзала в финале «Жизни Клима Самгина», — сцене, которую Горькому не удалось написать; в черновых записях сохранилось:

«Ленин.

Он как-то врос в толпу, исчез, растаял в ней, но толпа стала еще более грозной и как бы выросла».

Народность поэмы Маяковского определяет и заключенную в ней полемику с культом личности. Эта полемика — один из сильнейших мотивов поэмы.

Автор подчеркивает кровную связь Ленина с массой обыкновенных, простых людей:

Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
мысли
больше нашего
морщинят кожей,
да насмешливей
и тверже губы,
чем у нас.
Не сатрапья твердость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
подергивая вожжи.
Он
к товарищу
милел
людскою лаской.
Он
к врагу
вставал
железа тверже.

Ленин возникает в поэме, как «самый человечный человек». По отношению к своим соратникам и ученикам Ленин «меж равными был первейший по силе воли, ума рычагам». Образу истинного народного вождя противопоставлен чрезвычайно емкий по своему содержанию собирательный образ, вызывающий представления об агамемноновских колесницах, о триумфаторах наполеоновского типа с их «сатрапьей твердостью». Маяковский — с новых, самых высоких идейно-исторических позиций — перекликается с предшествующей русской литературой, с ее могучей традицией разоблачения противонародной сущности преклонения перед особыми избранниками, возвышающимися над народом. Воссоздавая скорбную картину прощания с Лениным, похоронное шествие, поэт восклицает:

Неужели
про Ленина тоже:
«вождь
милостью божьей»?
Если б
был он
царствен и божествен,
я б
от ярости
себя не поберег,
я бы
стал бы
в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперек.

Поэма, посвященная величию Ленина, насыщена борьбой против культа личности.

Народность и партийность поэмы сказались и в том ее качестве, что тема борьбы против культа личности возникает в ней и как тема революционной бдительности. В преклонении перед личностями Маяковский видел и опасность, связанную с произрастанием всевозможных, ненавистных ему бюрократов и карьеристов — заклятых врагов партии и народа.

Глубокая вера в силу народа и партии определила и героический оптимизм поэмы «Владимир Ильич Ленин» — мужественный оптимизм, окрашивающий даже и скорбь.

Тема народа и личности возникает в литературе социалистического реализма в самых разнообразных вариантах, в том числе и в трагическом варианте: классическим примером последнего является «Тихий Дон» Шолохова — героическая эпопея победоносной борьбы народа против сил старого общества и его влияний, приводивших к разъединенности, к колебаниям в ходе исторической борьбы. «Тихий Дон» по праву может быть назван трагической эпопеей. В центре ее находится образ человека из народа, человека большой внутренней силы, разъедаемого влияниями старого мира, сомнениями и колебаниями, теряющего все свои ценные черты, приходящего в итоге, поистине, к разрушению личности. Трагический образ черного солнца, встающего в финале романа над Григорием Мелеховым, восходит по своей эпической силе к классическому памятнику народного творчества — «Слову о полку Игореве». Характерная особенность литературы социалистического реализма заключается в том, что народ является главным реальным, активным героем произведения, определяющим весь его ход, все судьбы героев даже и в тех случаях, когда непосредственно в центре произведения находится человек, враждебный народу, как это имеет место в «Жизни Клима Самгина», или постепенно все дальше отходящий от народа, становящийся орудием врагов, как это происходит в «Тихом Доне». Рисуя трагедию разъединенности, отхода от народа, «Тихий Дон» с эпической силой утверждает морально-политическое единство народа.

Народность советской литературы сказывается и в том внимании, которое она уделяет образам отщепенцев, предателей, врагов народа, развивая тему революционной бдительности. В таких образах, как Стахович из романа «Молодая гвардия» А. Фадеева, Лозневой из романа «Белая береза» М. Бубеннова, глубоко разоблачается противонародность всего характера, всего склада личности предателей-отщепенцев, и прежде всего их индивидуализм, противопоставление себя народу, представление о самих себе, как о людях особо одаренных, которым поэтому разрешается то, что не позволено другим, обыкновенным, простым людям.

Разоблачая «сверхличность», возвышающую себя над народом, литература социалистического реализма вместе с тем имеет историческую возможность неизмеримо глубже и полнее, чем предшествующая литература, утверждать богатство, индивидуальное своеобразие и яркость личности, кровно связанной с народом. Герои советской литературы реально вовлечены в исторический процесс повседневного всестороннего духовного роста миллионов людей.

В связи с этим необходимо сказать о некоторых слабостях и недостатках в развитии современной литературы и искусства. Эти слабости и недостатки порою выражаются в отступлениях от одного из коренных принципов социалистического реализма — принципа народности. В отдельных произведениях, особенно в некоторых кинофильмах, в частности, биографических, — народ выступает не в качестве конкретного, реального, активного художественного образа, не в качестве истинного героя произведения, а лишь как иллюстрация, как некий декоративный, не расчлененный, не конкретизированный в индивидуальных характерах, «сплошной» фон, призванный подчеркивать фигуру выдающейся личности. В таких произведениях пропадает та тема, которая так страстно выражена, например, в поэме Маяковского «Владимир Ильич Ленин»: народ создает героев, а не герои создают народ. Иллюстративность темы народа в некоторых произведениях проявляется в том, что тот или другой, так сказать, человек из народа привлекается к участию в произведении не сам по себе, не во имя самоценного значения своей личности, своей судьбы, а лишь как некий пример, призванный подтвердить тезис: выдающиеся личности связаны с народом.

Народ фигурирует в таких случаях как общее понятие, а не как художественный образ. При иллюстративном решении темы народа исчезает какое бы то ни было подлинное, органическое общение между выдающейся личностью и народом, оно подменяется внешним, декоративным общением, ибо и выдающаяся личность ничему не учится у народа, и народ, в сущности, ничему не учится у нее, потому что и той и другому все заранее известно. Так обстоит дело, например, в биографической пьесе «Гоголь» С. Алешина, поставленной на сцене московского театра им. А. С. Пушкина, где Гоголь читает крестьянам «Тараса Бульбу» для подтверждения правильности своего творческого пути, а крестьяне, не заставляя себя просить, тут же и подтверждают эту правильность, высказывая как раз те самые резонерские соображения, которые хочет услышать от них герой пьесы. Это — не общение живых образов, а деревянная, механическая пародия на общение. Иллюстративную роль народ играет и в биографическом фильме «Римский-Корсаков». Здесь народ, опять-таки, привлекается только для того, чтобы подтвердить правильность творческого пути героя; привлечение народа нужно также для умиленных слез жены композитора по поводу полученного им трогательного письма от группы крестьян. И вместе с тем остается совершенно не раскрытым великое значение народа для творчества великого художника. Иллюстративность, декоративность присущи, на наш взгляд, и фигуре сталевара и солдата Отечественной войны Иванова в таком несомненно талантливом произведении, как фильм «Падение Берлина». Иванов, его судьба, история его любви — все это явно не имеет самоценного значения, носит общий характер. Иванов в сценарии не отмечен индивидуальным своеобразием, своим складом ума и души; он, как и его невеста, привлечен к участию в фильме не из интереса к неповторимой, всегда особенной, отличной от других, личности и ее судьбе, а только для иллюстрации той мысли, что народ доблестно сражался и выносил все испытания в Великой Отечественной войне.

Иллюстративно-декоративное решение темы народа бывает порою связано с отсутствием того пафоса страстной любви к определенному, данному человеку, той неподдельной, горячей заинтересованности в его личной, неповторимой судьбе, которыми проникнута каждая строка в таких классических произведениях советской литературы, как «Молодая гвардия» А. Фадеева или «Василий Теркин» А. Твардовского. Но без любви к конкретному, частному, отдельному художник никогда не сможет выразить и общее. Народность русской литературы всегда проявлялась в страстной любви художника именно к данному, неповторимому человеку, — без такой любви не было бы ни «Шинели», ни «Записок охотника», ни «Воскресения», ни рассказов Чехова, ни «Тихого Дона» и «Поднятой целины», как и вообще без нее было бы невозможно истинное искусство.

Иллюстративность, декоративность в решении темы народа, отсутствие самоценного, действительного, трепетного внимания к неповторимой судьбе данного человека влекут за собою в некоторых фильмах и спектаклях холодную помпезность, увлечение роскошными атрибутами, внешними деталями, ведут к подмене реализма своего рода лжеклассицизмом или лжеромантизмом, — к различным формам ухода от действительной жизни действительных советских людей.

К уходу от реальной действительности ведут искажения теории социалистического реализма, выражающиеся в отрыве принципа партийности от принципа народности. Принцип партийности может торжествовать лишь тогда, когда художнику удается выразить кровную связь коммуниста, партийного деятеля с народной массой, глубокую народность всего облика коммуниста, его умение руководить массой, а, значит, не только учить массу, но и учиться у нее. И, в свою очередь, принцип народности искусства социалистического реализма может торжествовать лишь тогда, когда художнику удается выразить с подлинной поэтической конкретностью руководящую роль Коммунистической партии во всей жизни и борьбе советского народа. Коммунистическая партийность есть высшая народность.

Одна из важнейших задач, стоящих в настоящее время перед литературой социалистического реализма, заключается в усилении внимания к индивидуальным характерам, человеческим судьбам в их связи с исторической жизнью советского народа, созидающего коммунизм под вдохновенным руководством Коммунистической партии. Повседневная жизнь советских людей, со всем богатством, многообразием, индивидуальной яркостью этой жизни, несомненно, будет находить все более глубокое отражение в искусстве социалистического реализма. Внимательное изучение народных традиций литературы критического реализма и советской литературы поможет нашим писателям в решении этой задачи. Только при этом условии можно будет углубить образ советского народа и героической Коммунистической партии, отдающей все свои силы, всю свою мудрость, всю свою неисчерпаемую любовь к простым людям, — великой исторической борьбе за победу коммунизма.

Татарское государственное книжное издательство выпустило серию брошюр по сельскому хозяйству. Их авторы — председатели колхозов, бригадиры тракторных бригад и комбайнеры. Брошюры изданы на русском и татарском языках. На снимке: на складе издательства. Товароведы Н. Сафина (слева) и Ф. Хикматуллина подбирают литературу для посылки в сельские районы республики.

Фото Б. Мясникова

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

У ПИСАТЕЛЕЙ САРАТОВА

На днях выходит очередной номер альманаха саратовских писателей «Новая Волга» и детский альманах «Огоньки». Заканчивается подготовка к первому областному совещанию молодых авторов.

Саратовская писательская организация уделяет немалое внимание литературной молодежи. Регулярно обсуждаются произведения начинающих литераторов. Так, обсуждены: комедия «Глубокая вспашка», написанная секретарем Ртищевского райкома партии, пьеса Д. Степанидина «В одной советской семье» — о жизни колхозной деревни.

Немало новых имен появилось в местном альманахе и на литературных страницах газеты, вышли две новые книги — Е. Рязановой «Трудный экзамен» и «На нашей улице», для детей написана повесть топографа С. Розанова о саратовской Елшанке, где добывается газ для Москвы.

Конечно, первые произведения молодежи не свободны от недостатков, об этом будет серьезный разговор на областном совещании-семинаре молодых авторов. На семинар приглашены начинающие литераторы — колхозники, учителя, механизаторы, агрономы, служащие, а также участники конкурса на лучший очерк и рассказ, объявленного областной газетой и отделением ССП.

Оживлению в деятельности критиков способствует выход в свет научно-критического сборника о В. Г. Белинском, изданного филологическим факультетом Саратовского университета, книг Н. Чернышевской и Е. Покусаева о Н. Г. Чернышевском, очерка М. Бобровой о Марке Твене.

Партийная организация отделения, налаживая политическую учебу писателей, в то же время думает об их творческой учебе. Созрела необходимость глубоко обсудить работу местных драматургов, поговорить о состоянии поэзии и о рассказе, обменяться творческими замыслами.

М. МИХАЙЛОВ

САРАТОВ. (По телефону).

ВЕЧЕР МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

На разных языках звучали стихи в зале Центрального Дома литераторов. Студенты разных курсов Литературного института имени Горького собрались для своеобразного отчета перед старшими товарищами по перу. Читали стихи М. Айдоян (Армения), Н. Дамдинов (Бурят-Монголия), А. Омарова (Туркмения), В. Цыбин, Е. Полянский, а также Е. Волковыцкий (Польша) и М. Кановас (Испания). В институте учатся студенты 42 национальностей Советского Союза, а также молодежь из стран народной демократии.

С. Смирнов, останавливаясь на наиболее интересных выступлениях, указал, что некоторым молодым поэтам не хватает подчас смелости, своеобразия. И. Сельвинский отметил, как отрадное явление, расширение тематики и рост национальной поэзии. Он критиковал молодых поэтов за однообразие стихотворной формы.

Открытие памятника Аркадию Гайдару

В начале войны, 26 октября 1941 года, в бою с фашистскими захватчиками пал смертью храбрых любимый детский писатель, журналист, военный корреспондент Аркадий Петрович Гайдар.

Человек яркого таланта и большой души, вдохновенный и бесстрашный, честный и прямой, — таким запечатлелся образ Аркадия Гайдара в памяти тех, кто его знал лично, и тех, кто мысленно представляет себе облик писателя по его произведениям.

Вся жизнь Аркадия Гайдара была образцом служения советской Родине и своему народу. В семнадцать лет он, командир полка, участник гражданской войны, с оружием в руках отстаивал свободу и независимость своей Отчизны, которую так беззаветно любил, которую воспевал в своих книгах, на благо которой жил и творил.

Далеко в приднепровские просторы смотрит сейчас бронзовый Аркадий Гайдар с высокого обрыва в Каневе. Здесь 1 ноября открыт ему монумент, он любовно украшен венками из живых цветов. Сюда пришли пионеры и школьники, комсомольцы и учителя, писатели братских республик.

В проникновенных речах звучали слова благодарности выдающемуся писателю за то бесценное наследие, которое он оставил многомиллионной армии юных читателей всех национальностей. 401 раз на 57 языках народов СССР общим тиражом более 12 миллионов экземпляров изданы произведения Аркадия Гайдара. Вот поистине лучший памятник писателю-воину!

Аркадий Гайдар прожил недолгую, но яркую и красивую жизнь. Советский писатель, он погиб, как солдат, пролив свою кровь на священной земле Богдана Хмельницкого и Тараса Шевченко.

Город Канев. Над Днепром стоят два памятника — великому Тарасу и русскому писателю-воину Аркадию Гайдару, представителям литератур двух братских народов, связанных навечно нерушимой и верной дружбой.

Сергей МИХАЛКОВ

КАНЕВ

ФРАНЦУЗСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В 1951 году французская писательница Симона Тери посетила Советский Союз. В 1952 году вышла ее книга об этой поездке[1].

С момента отлета с парижского аэродрома и до последнего дня пребывания в СССР шаг за шагом воспроизводит Тери историю своего путешествия, которая и составляет сюжетную основу книги.

Вместе с писательницей, претерпев ряд злоключений, пересекаем мы Европу и попадаем на советскую территорию; вместе с ней путешествуем по Москве, Ленинграду, Сталинграду, посещаем фабрики и заводы, колхозы, детские сады, театры, магазины. Нам интересно не только то, что она видит, но и ее искреннее и восторженное удивление по поводу замечательных перемен, происшедших здесь с 1935 года, когда Тери первый раз была в СССР. Мы присутствуем при ее встречах с советскими рабочими, колхозниками, артистами; с глубоким уважением к ее осведомленности в советской литературе следим за ее беседами с советскими писателями; не расстаемся мы с ней и в те минуты, когда она одна со своими размышлениями.

Стиль путевых записок Симоны Тери — стиль безыскусственный и непринужденный, подкупающий прежде всего искренностью и непосредственностью. В этой сердечной манере разговора с читателем, пожалуй, и состоит прежде всего своеобразие книги. Прочитав книгу Тери, читатель испытывает ощущение, словно он сам совершил увлекательное путешествие, доставившее ему двойное наслаждение благодаря обществу умного и тонкого наблюдателя.

Умению Симоны Тери ярко и образно передавать свои впечатления предшествует другое, более важное умение — умение видеть за частными разрозненными фактами, как бы они ни были сами по себе выразительны, целое.

Что же увидела Симона Тери в Советском Союзе прежде всего? Она увидела новый мир — мир социальной справедливости, мир, «где правда восторжествовала над ложью; где мироздание встало на свое место; где справедливый порядок заменил буржуазную анархию, необузданное расточительство богатства, расточительство силы, счастья, человеческих жизней».

Последовательно миролюбивая позиция Советского Союза завоевала признание и поддержку народов; однако есть еще немало людей, которых сбивает с толку империалистическая пропаганда, клевета и инсинуация продажной прессы. Велик интерес зарубежных читателей к жизни нашей страны. Удовлетворить его — благородная задача писателей, побывавших у нас. Вместе с тем их долг помочь всем колеблющимся разобраться в обстановке, узнать подлинную правду о Советском Союзе. И Симона Тери выполнила эту задачу и этот долг с честью.

В ее книге нет отдельной главы, посвященной миролюбию Советского государства. Об этом миролюбии говорит вся книга Симоны Тери. Каждая ее страница показывает, что весь строй и атмосфера жизни советского общества, все устремления советских людей, само их мировосприятие, грандиозный размах нашего мирного строительства — вот неопровержимые доказательства того, что советские люди хотят мира, а не войны, что «они думают лишь о мире, говорят только о мирном созидании, хотят только мира, дышат только миром».

«...Тысячи и тысячи новых заводов, домов и целых кварталов, — пишет Тери, — встают от края до края необъятной Советской страны... Разве этот народ думает о войне? Нужно быть идиотом или, скорее, ослепленным гнусной пропагандой торговцев пушками, чтобы этому поверить!»

Симона Тери приехала из страны, которая живет в атмосфере военного психоза. Политика милитаризации, в которую втянута Франция, наложила отпечаток на все стороны жизни французского народа. Удивительно ли, что, очутившись в Советском Союзе, писательница не только с жадностью и интересом впитывала новые впечатления, но остро ощущала контрасты, на каждом шагу делала сопоставления.

«Надо было, подобно мне, — читаем мы у Тери, — прибыть из капиталистической страны, чтобы тут осознать, насколько идея войны, сама война владеет всеми нашими мыслями, чувствами, действиями. Война... неотступная, навязчивая мысль о войне... Война во Вьетнаме... Война в Корее... подготовка войны... страх перед войной... борьба против войны... Внезапно я очутилась среди мужчин и женщин, которые поглощены нормальными занятиями, ведут нормальные разговоры в нормальных обстоятельствах, иными словами, в благословенных условиях мира!»

Подобные сопоставления, проходя через всю книгу, чрезвычайно обогащают ее. Бесчисленные стройки Сталинграда невольно вызывают в памяти писательницы картину другой стройки — стройки медицинского института, что стоит против дома ее друзей в Париже, начатой еще до войны и не законченной до сих пор...

Узнав однажды утром, что цены на все продукты в СССР стали намного ниже, чем вчера, она с горечью констатирует: «...у нас жизненный уровень не достигает половины довоенного. И уровень этот из месяца в месяц падает — по мере роста цен, по мере того, как Плевен, Шуман, Бидо, Мок и К° все больше миллиардов бросают на грязную войну во Вьетнаме».

Резкие контрасты жизни СССР и Франции Симона Тери видит все чаще. И все чаще в ее голосе звучит нотка грусти. Особенно, когда речь идет о культуре. Не во Франции, а именно здесь, в Советском Союзе, в библиотеке иностранной литературы, смогла Симона Тери впервые узнать, на какие языки переведены и в каких странах напечатаны ее произведения и статьи. Во Франции нет библиотеки, которая вела бы такую тщательную библиографическую работу по иностранным изданиям... Она узнала, что в СССР тираж книги в 30 тысяч считается небольшим, а у нее на родине такой тираж — сенсация, обычный же тираж книг 5, а то и 3 тысячи экземпляров... Она убедилась, что здесь, в Советском Союзе, больше читают и любят классиков мировой литературы, больше ставят в театрах пьесы Шекспира и Мольера, чем на родине этих писателей. В Советской стране создан фильм о Парижской Коммуне, а на родине Парижской Коммуны такого фильма нет. Здесь, в Советской стране, по ее признанию, гораздо шире, чем во Франции, отмечали, например, столетнюю годовщину со дня смерти Бальзака и столетний юбилей со дня рождения Мопассана. Огромное впечатление на писательницу произвело торжественное публичное чествование памяти Барбюса в Москве, на котором она лично присутствовала. «А на его родине, — печально замечает Тери, — Барбюса игнорируют недостойные правители, потому что он был коммунистом и боролся за мир... Чтобы быть свидетелем официального публичного чествования французского писателя, мне понадобилось очутиться в Москве».

Подытоживая свои мысли о Советской стране, писательница сама формулирует то, что больше всего поразило ее среди множества радостных, волнующих впечатлений и что, по ее мнению, является самым характерным для советского общества. Однако «самое потрясающее из моих открытий в Советском Союзе, — говорит Тери, — открытие советского человека. Да, именно перемены, происшедшие в самом человеке, моральный облик советских людей — вот, с моей точки зрения, самое чудесное, самое прекрасное и высокое достижение советского строя». Советский человек раскрывается в ее книге, как живое воплощение прекрасной и человечной системы, как олицетворение ее животворящей силы.

Путешествие Симоны Тери, начавшееся в Москве, заканчивается в Сталинграде — легендарном городе, ставшем символом духовной мощи советских людей, символом их бессмертной воинской славы. С глубоким душевным волнением говорит Тери о Сталинграде: «Друзья мои, как можете вы мне поверить, если я сама не верила своим глазам? Не трагический Сталинград предстал предо мной, а город мечты. И мечта эта не развеялась, когда мы вступили в нее: это был волшебный, сияющий под лазурно-голубым небосводом город, какого я еще никогда не видела, — город белых дворцов. При виде этого Сталинграда — нашего Сталинграда тысяч человеческих жертв — я не могла совладать с собой, я заплакала. Слезами радости...»

Сохраняя строгую документальность, Симона Тери пишет эмоционально, языком живым и образным. Все это дает основание высоко оценить публицистические и художественные особенности ее книги.

Приведя в заключение слова Габриэля Пери, национального героя Франции, писавшего незадолго до казни в фашистском застенке, что он погибает во имя завтрашнего дня человечества, который будет прекрасным, как песня, Тери говорит: «Пери погиб не во имя призрачной несбыточной мечты. Своими глазами я видела страну, где сегодняшний день стал песней».

Симона Тери могла бы поставить эти слова эпиграфом к своей книге. Они образно и точно выражают светлое чувство, которое рождает у читателя ее книга.

«Француженка в Советском Союзе» вызвала широкие отклики прогрессивной французской печати. Трудно, пожалуй, назвать такой передовой журнал или газету во Франции, которые не отметили бы выхода этой книги. Журнал «Эроп», газета «Юманите», еженедельники «Юманите-Диманш», «Леттр франсез» и другие поместили рецензии видных писателей и критиков, единодушно отметивших значение книги. Жорж Сориа, длительное время живший в СССР и хорошо знающий нашу страну, писал: «Я думаю, что эту книгу необходимо довести до всех, кто мало осведомлен о Советском Союзе или кто питается информацией антисоветской пропаганды. Эти люди обнаружат в ней новое общество, страну, где люди создали новый тип человека, страну, единодушно устремленную к миру, борющуюся за этот мир с упорством и верой».

Д. МИЛЮТИНА

[1] Simone Téry. «Une française en Union Sovietique». Editions Sociales. Paris. 1952.

Симона Тери. «Француженка в Советском Союзе». Париж. 1952.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Выше уровень литературной критики

На днях газета «Советская Эстония» выступила с передовой статьей «Выше уровень литературной критики».

Газета пишет об отставании литературной критики в республике и видит его в том, что «критики крайне робко подходят к рассмотрению коренных проблем литературы».

Эстонские критики и писатели крайне редко выступают на страницах республиканской печати по основным, узловым вопросам литературы. Характерно, пишет «Советская Эстония», что газета «Сирп я Васар», орган Министерства культуры ЭССР и творческих союзов, при освещении этих тем «в основном ограничивается перепечатками статей из центральных газет и журналов».

Внимание к развитию литературной критики со стороны правления Союза писателей и редакции его печатного органа — журнала «Лооминг», продолжает газета, явно недостаточно. Об этом говорит тот факт, что журнал «Лооминг» в этом году не опубликовал ни одной оригинальной статьи на литературные темы.

«Советская Эстония» отмечает, что правление ССП «недостаточно занимается организацией повышения идейно-теоретического и профессионального уровня критиков. Именно теоретической слабостью некоторых критиков, их недостаточной подготовкой объясняются отдельные ошибки, допущенные ими, а также и их «боязнь» приступить к разработке серьезных проблем развития литературы».

Правление ССП, как справедливо замечает газета, должно уделять больше внимания комиссии по теории литературы и критике, «призвано постоянно направлять деятельность комиссии, добиваться более тесного сотрудничества ее с такими организациями, как, например, Институт языка и литературы Академии наук ЭССР, и другими». На самом деле этого нет, и «комиссия уже около полугода не собиралась».

«Серьезно тормозит развитие литературной критики, — пишет в заключение газета, — отсутствие на эстонском языке материалов по вопросам теории литературы. Несмотря на то, что на русском языке издан ряд интересных работ, Эстонское государственное издательство не организует перевод их на эстонский язык и выпуск в свет».

Новые книги

Арагон Л. Коммунисты. Роман. Перевод с французского. Т. 2 (книга 4—6). Издательство иностранной литературы. 752 стр. Цена 23 руб. 90 коп.

Бурсов Б. Вопросы реализма в эстетике революционных демократов. Гослитиздат. 387 стр. Цена 10 руб. 15 коп.

Дмитриев Ю. Русский цирк. «Искусство». 264 стр. Цена 18 руб. 50 коп.

Зарьян Н. Арменуи. Поэма. Авторизованный перевод с армянского М. Соболя. «Советский писатель». 92 стр. Цена 2 руб. 35 коп.

Кобылянская О. Избранное. Перевод с украинского. Львов. Книжно-журнальное издательство. 455 стр. Цена 6 руб. 95 коп.

Ли Ги Ен. Земля. Роман. Перевод с корейского Е. Тё и Ю. Карасева. Издательство иностранной литературы. 488 стр. Цена 14 руб. 65 коп.

Лихарев Б. Подвиг. Поэма о Юлиусе Фучике. «Молодая гвардия». 83 стр. Цена 2 руб. 35 коп.

Мансисидор Х. Роза ветров. Роман. Перевод с испанского А. Сиповича и А. Гладковой. Издательство иностранной литературы. 184 стр. Цена 4 руб. 95 коп.

Пушкин и театр. Драматические произведения, статьи, заметки, дневники, письма. «Искусство». 516 стр. Цена 21 руб.

Райнис Я. Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия). «Советский писатель». 712 стр. Цена 14 руб. 50 коп.

Стасов В. Русская опера за рубежом. Государственное музыкальное издательство. 44 стр. Цена 85 коп.

Вопреки террору и запугиваниям со стороны чанкайшистских агентов, шестьдесят пять китайских военнопленных, содержавшихся в лагере, охраняемом индийскими войсками, еще до начала разъяснительной работы настояли на немедленном возвращении на родину. Все они были переданы в Паньмыньчжоне индийскими войсками корейско-китайской стороне.

На фото: **слева** — освобожденные из плена китайские народные добровольцы прибыли в Паньмыньчжонь, они высоко подняли национальный флаг Китайской Народной Республики; **справа** — китайские патриоты, сбросившие с себя ненавистные лохмотья, выданные им американцами, провозглашают: «Да здравствует наше отечество!»

КИТАЙ И ООН

М. МАРКОВ

СРЕДИ достопримечательностей Нанкина имеется одно своеобразное здание. Оно интересно не своей дворцовой пышностью, —войдя в него, вы оставляете за порогом сегодняшний день Китая, переноситесь в другую эпоху. Вокруг вас — затхлое в своей неподвижности прошлое. Это бывшая резиденция бывшего «президента» Чан Кай-ши. В кабинете все сохраняется в том виде, как при его бывшем владельце, и, кажется, самый воздух здесь «бывший» и не пригоден для дыхания. Отрывной календарь на массивном письменном столе раскрыт на том самом листке, который не успел оторвать Чан Кай-ши, — 22 апреля 1949 года. В этот день американский сатрап в панической спешке бежал из столицы, спасая шкуру...

Да, тут с особой остротой ощущаешь, что владычество антинациональной гоминдановской клики, паразитировавшей на теле великого народа, навсегда ушло в прошлое. А выйдя снова на шумные улицы города, бурлящего новой жизнью, каждый понимает, что никакая сила на земле не может повернуть китайский народ назад, к черным дням, уже сорванным ходом истории с календаря...

«Китаю, разумеется, — говорил почти четырнадцать лет назад вождь китайского народа Мао Цзэ-дун, —нехватает еще очень многого, но в первую очередь ему нехватает двух вещей: независимости и демократии... Двух вещей нам нехватает, но зато есть и две лишние... Одна — это гнет империализма, а другая—гнет феодализма».

Ныне народ Китая избавился от этих лишних вещей и обрел недостававшие: он создал свое независимое, новодемократическое государство, свободное от гнета империалистов и феодалов. Он добился этого в результате длительной, стойкой, поистине героической борьбы, стоившей большой крови и неслыханных страданий. Его привела к победе Китайская коммунистическая партия, владеющая могучим оружием марксизма-ленинизма.

Великая китайская нация воспрянула. Поистине молниеносный расцвет народного Китая напоминает миру и о том, что отсталость не всегда была уделом этой громадной страны, что китайский народ создал могучую цивилизацию еще за много веков до того, как Христофор Колумб открыл Америку.

Теперь, когда Китай стал свободным, великие возможности, заложенные в этой стране, в ее талантливом, трудолюбивом народе, стали превращаться в действительность. А эти возможности, использованию которых многие десятилетия мешали империалистические агрессоры, поистине неисчерпаемы.

Природа щедро одарила Китай. Все, что способна родить земля, произрастает на его необъятных просторах. Однако еще в недалеком прошлом Китай был известен, как «страна голода». Народная власть утолила вековую жажду пахаря — жажду владеть той землей, на которой сам он и его предки трудились изо дня в день, от зари до зари. И рисовое поле, раньше принадлежавшее помещику, теперь, став полем крестьянина, дает умноженные урожаи.

На долю Китая приходится почти четверть всех энергетических ресурсов мира. В его недрах имеются громадные запасы угля, железа, нефти, вольфрама, олова и других ценнейших металлов. И тем не менее эта страна, за исключением Северо-восточных провинций, отторгнутых в свое время империалистической Японией, еще недавно фактически даже представления не имела о современной промышленности.

Об этом позаботились чужеземные колонизаторы. В книге «Джентльмены о мире» соответствующую «установку» на этот счет кратко, но выразительно сформулировал империалистический «теоретик» Зифф: «Промышленное развитие Китая явится для Соединенных Штатов угрозой, которая должна быть предотвращена любой ценой». С какой яростью и с каким страхом наблюдают сегодня «джентльмены» с Уолл-стрита за быстрым развитием промышленности Китая! Народная власть не довольствуется тем, что национальная промышленность, разрушенная двумя десятилетиями войн и американским демпингом, уже восстановлена и ее продукция превзошла довоенный уровень. Китай вступил в первый год своей первой пятилетки, которая выводит его на путь индустриализации.

О центральном народном правительстве Китайской Народной Республики с полным правом можно сказать, что это первое в истории страны действительно всекитайское правительство, объединяющее под своей властью всю нацию, первое действительно прочное и устойчивое правительство, пользующееся поддержкой всего народа. Это также первое действительно демократическое правительство, прислушивающееся к голосу всех слоев населения.

Общеизвестно, однако, что правящие круги США и ряда стран, политика которых контролируется Вашингтоном, по сей день отказываются признать Китайскую Народную Республику.

Позиция, явно несовместимая с фактами, логикой, со здравым смыслом? Безусловно так. Однако ослепленные ненавистью империалисты США действуют по принципу «тем хуже для фактов...» Они никак не могут примириться с тем, что история перечеркнула их авантюристические планы. Они не могут «простить» китайскому народу, что он навсегда похоронил их мечту, открыто провозглашенную еще в начале века идеологом американских экспансионистов Бруксом Адамсом, — превратить Китай, а затем и всю Восточную Азию в «часть американской экономической системы», то есть в колониальный придаток империи доллара.

А давно ли эта программа казалась кое-кому за океаном близкой к осуществлению! Чтобы понять «обиду», нанесенную китайским народом американскому империализму, достаточно напомнить хотя бы о тех кабальных «договорах» и «соглашениях», которые Чан Кай-ши успел скрепить своей подписью в период 1946—1948 гг. и которые народная революция выбросила за борт. Эти документы представляли собой купчую крепость, по которой Китай со всей его территорией, воздушным пространством, водами, портами, гаванями, железными дорогами, армией, финансами, полицией, юстицией, промышленностью, сельским хозяйством, таможнями, учебными заведениями отдавался на поток и разграбление американским монополистам.

До сих пор еще в Вашингтоне с грустью вспоминают о 6 миллиардах долларов, вложенных в военную помощь Чан Кай-ши в расчете на будущие проценты. Их пришлось списать в чистые убытки...

А может ли, например, «нефтяной король» США Рокфеллер позабыть о том, как всего лишь шесть лет назад он договорился в Кантоне с Сун Цзы-вэнем, шурином Чан Кай-ши, о превращении богатейшей провинции Гуандун в вотчину «Стандард ойл»?

Как американскому генерал-спекулянту Ченнолту забыть о барышах, которые приносили ему «авиатранспортная компания», «китайская промышленная компания» и другие организованные им в сотрудничестве с китайскими компрадорами «грабь-концерны»?

Но американские империалисты потеряли в Китае не только крупнейшую сферу влияния, приложения капитала, гигантский рынок сбыта и резервуар дешевой рабочей силы. Чем был Китай в глазах воинствующей заокеанской реакции и пентагонских милитаристов, с предельной ясностью сформулировал в свое время бюллетень американской Ассоциации внешней политики: «Китай — не одно целое, а комбинация баз и зон различного военного значения».

Крушение гоминдановского режима означало и конец всей сложной комбинации американских военных баз на китайской земле. Она рухнула, похоронив под своими обломками одну из самых дорогих сердцу Пентагона стратегических концепций — войны против Советского Союза с необъятного китайского плацдарма.

Разочарование и озлобление «потерпевших» — американских империалистов — столь велики, что явно порождают у них состояние, весьма близкое к клинической картине маниакального бреда. Как можно иначе расценить многообразные планы реставрации в Китае отвергнутого народом гоминдановского режима? И с каким тупым упорством вынашиваются эти бредовые теории американскими экспансионистами — военными и штатскими — и даже провозглашаются с официальных трибун. Не кто иной, как государственный секретарь Даллес открыто заявил в стенах сената, что США должны «принять положительные меры», чтобы «обеспечить падение» правительства Китайской Народной Республики. Нетрудно видеть, что вся политика США в отношении Китая исходит именно из этой агрессивной и безнадежной авантюристической «установки».

Вашингтон ведет не только тайную войну против китайского народа подрывными методами диверсий, шпионажа. Наряду с этим правящие круги США все беспардоннее прибегают к прямым и откровенным актам агрессии. Они оккупировали китайский остров Тайвань и вот уже пятый год превращают его в базу, плацдарм для нападения на Китай.

Наиболее откровенные представители американского империализма вовсе и не скрывают, что все военные приготовления США в Японии и других районах Азии и Тихого океана направлены своим острием против Китайской Народной Республики и Советского Союза.

Излагая в 1951 году в американском конгрессе «мотивы» американской интервенции в Корее, тогдашний министр обороны США Маршалл прямо признал, что этот район «отнюдь не является жизненно важным для США», но его «тесная связь» с Северо-Востоком Китая «придает ему весьма существенное значение».

Страх и ненависть — плохие советчики. А именно они толкают правителей США на самые нелепые и явно безнадежные шаги в борьбе против народного Китая.

Вот уже свыше четырех лет американские дипломаты, не брезгуя никакими средствами, мешают законным представителям великого китайского народа занять по праву принадлежащее им место в Организации Объединенных Наций. «Необходимо осуществить наше руководство, чтобы помешать этому», — заявляет, например, председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уайли. Всему миру известно, как американские дипломаты осуществляют в ООН свое «руководство» путем «выворачивания рук» делегатов зависимых от Вашингтона стран. Лишь неприкрытым грубейшим нажимом США объясняется тот факт, что народ Китая до сих пор не имеет своих подлинных представителей в Организации Объединенных Наций.

Объяснение подобной политики Соединенных Штатов нужно искать, конечно, отнюдь не в одних лишь эмоциях одержимых мстительной злобой реакционеров. Гораздо важнее психологических факторы политического порядка. В настоящее время в ООН на скамье, отведенной для делегатов Китая, восседает деревянный болванчик, кивающий головой в унисон речам своего американского хозяина. Убрать гоминдановское отребье, очистив место для подлинных представителей Китая, — значит для правящих кругов США очутиться в Совете Безопасности и других органах ООН лицом к лицу с самостоятельно действующими представителями еще одной независимой и миролюбивой великой державы.

США истратили на свою интервенцию в Корее 22 миллиарда долларов и немалое количество жизней американцев, но так и не смогли поставить на колени корейский народ и открыть себе двери в Китай. Но если они что-нибудь все же приобрели за столь дорогую цену, то это подтверждение того факта, что Китайская Народная Республика является действительно независимой и мощной страной, которая способна постоять и за себя, и за своих соседей. Такая страна не примкнет к толпе статистов, послушных палочке американского дирижера...

Но это не единственное соображение, делающее Китай «persona non grata» в глазах американских империалистов. Восстановление прав Китая в ООН, как выразился сенатор Фергюсон, будет означать — о, ужас! — появление там «другой страны, занимающей такую же позицию, как Россия». Иными словами, сенатора Фергюсона и ему подобных «не устраивает», что Китай, как и Советский Союз и другие страны демократического лагеря, будет отстаивать в ООН интересы всеобщего мира и безопасности. Голос Китая в ООН будет еще одним мощным голосом в пользу мира — вот чего боятся те, кто заинтересован в сохранении международной напряженности!

Укрепление миролюбивых сил внутри ООН вовсе не согласуется с взглядами американских стратегов «холодной войны» на роль этой организации. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с циничным рассуждением журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» — рупора монополистических кругов США.

Журнал высказывает, например, такое немаловажное «соображение» заправил политики агрессии. Если законные представители Китайской Народной Республики появятся в ООН, рассуждает «Юнайтед Стейтс ньюс», то будет признано тем самым, что никакого «иного Китая» реально не существует. А ведь это, в свою очередь, будет означать, что придется, в соответствии с Каирской декларацией (под которой стоит подпись американского правительства), вернуть Китайской Народной Республике остров Тайвань, незаконно оккупированный вооруженными силами США!

Определенные монополистические круги США проявляют и особую заинтересованность в продолжении проводимой по их воле политики экономической блокады КНР. Ведь эта политика прежде всего ослабляет Англию и других «младших партнеров», усиливая зависимость последних от США! Но потому-то она и вызывает растущее сопротивление во всем мире. Общий итог такой политики для экономики капиталистических стран можно охарактеризовать выразительной китайской поговоркой: «Подняв камень, себе же отшибешь ноги».

По признанию руководителя американского Управления заграничных операций, «большинство основных торгующих стран Западной Европы и Азии» не согласны с позицией США, ибо они «остро чувствуют свою серьезную зависимость от внешней торговли». Ясно, что в случае восстановления прав Китая в ООН станет еще труднее препятствовать торговле с КНР.

Противодействие правящих кругов США восстановлению законных прав Китая в ООН осуществляется объединенными усилиями государственного департамента, Пентагона и Уолл-стрита. Между тем даже такая реакционная газета, как «Нью-Йорк геральд трибюн», вынуждена признать, что «всякое общее урегулирование на Дальнем Востоке предполагает ответ на этот вопрос», вопрос о предоставлении Китаю места в Организации Объединенных Наций.

Известно, как отвечает на этот вопрос американская дипломатия. На нынешней, 8-й сессии Генеральной Ассамблеи государственный секретарь США Даллес прибег к неслыханному по грубости нажиму, чтобы с помощью механического «большинства» принудить Генеральную Ассамблею «отложить» даже обсуждение вопроса о восстановлении законного представительства Китая в ООН. Не равносильно ли это открытому признанию того, что определенные круги США стремятся во что бы то ни стало помешать мирному урегулированию на Дальнем Востоке, не хотят допустить ослабления международной напряженности?

Подобный произвол, навязывающий ООН близорукую и несправедливую политику в отношении Китая, вызывает усиливающиеся протесты во многих странах. Мировую общественность не может не волновать, что нарушаются важнейшие принципы, записанные в уставе ООН, — принципы равноправия и самоопределения народов.

Отказываясь под нажимом США открыть двери для великой нации, составляющей почти одну четверть всего человечества, указывает индийская печать, ООН не только лишает себя права называться организацией Объединенных наций, но и обрекает себя на бесплодие, подрывает собственный авторитет и влияние. Нечего и говорить о том, что Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея, а также и другие органы ООН — Экономический и социальный совет, Совет по опеке, Экономическая комиссия для стран Азии и Дальнего Востока, — не могут сколько-нибудь действенно функционировать без участия величайшей державы Азии.

На это с тревогой указывает Неру — премьер-министр второй по величине, после Китая, азиатской страны. «Без Китая, — подчеркивает индийский премьер, — ООН нельзя считать полнокровной... Ни одна проблема Дальнего Востока не может быть должным образом разрешена при таких условиях».

По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», вопрос о восстановлении прав Китая в ООН является «первостепенным вопросом во всей Юго-Восточной Азии». Известно, какое внимание уделяет этой проблеме общественность Японии. Этот вопрос глубоко волнует все страны мира, включая и те из них, для которых Восточная Азия является действительно «дальним» Востоком. «Соединенные Штаты, — констатирует лидер английских лейбористов Эттли, — еще усиленнее стали противиться занятию народным правительством Китая места в Совете Безопасности, которое по праву принадлежит Китаю. Тот факт, что это место попрежнему занимает дискредитированное чанкайшистское охвостье, служит препятствием на пути к успеху дела мира».

Трезвые голоса, осуждающие позицию Вашингтона, давно уже, и чем дальше, тем громче и настойчивее, раздаются и в самих США. «Трудно отказаться от признания фактов, — писал уже спустя полгода после провозглашения Китайской Народной Республики американский журнал «Нью рипаблик». — Государство может существовать и быть несомненно устойчивым, независимо от того, нравится оно нам или не нравится... Наиболее желательно, чтобы государства действовали... беря за основу как здравый смысл, так и закон». Вернуться на путь здравого смысла и законности в вопросе о международных правах Китайской Народной Республики — таково требование всех здравомыслящих американцев.

«Не может быть никакого полного урегулирования, — писал в недавней статье обозреватель американской газеты «Крисчен сайенс монитор» Харш, — если коммунистический Китай не будет принят в члены ООН».

Жизнь ежедневно доказывает, что ни один серьезный международный вопрос, в особенности касающийся Дальнего Востока, в наше время не может решаться без участия Китая, без учета его взглядов, его воли. За примерами ходить недалеко.

Что вышло из попытки Вашингтона игнорировать Китайскую республику и Советский Союз при заключении мирного договора с Японией? Разве сепаратный «мирный договор», продиктованный правительству Иосида в Сан-Франциско, является инструментом мирного урегулирования на Дальнем Востоке? Этот документ, под которым отсутствуют подписи самых больших стран мира — Советского Союза, Китайской Народной Республики и Индии, — лишен какой бы то ни было законной силы. Он не способствовал разрешению ни одной из насущных проблем, касающихся как самой Японии, так и всего тихоокеанского района.

А что вышло из попытки Вашингтона игнорировать интересы КНР в корейском вопросе? Жизнь заставила американских генералов и дипломатов усесться за один стол с китайскими представителями, а ООН — вступить в переписку с Центральным народным правительством Китая. И лишь после этого дело сдвинулось с мертвой точки.

Так же обстоит дело и с политической конференцией по Корее. Как ни стремились руководители внешней политики США единолично решить вопрос о составе и организации работы этой конференции, сколько ни навязывали они ООН незаконные резолюции, теперь им приходится и по этому вопросу вести переговоры с КНР.

Тот, кто не слеп, видит всю тщетность попыток американских реакционеров «изолировать» новый могучий Китай от участия в международных делах, отделить его от внешнего мира стеной, подобно тому, как когда-то был отгорожен от мира «великой стеной» древний Китай.

Еще более четверти века назад великий китайский писатель и патриот Лу Синь издевался над теми, кто пытался сохранить эту «старую стену с новыми заплатами». Сколь же смешны и безнадежны эти реакционные утопии сегодня, когда народный Китай встал в один ряд с самыми могущественными державами мира, когда он является членом великой семьи демократических стран, когда он связан узами неразрывной братской дружбы с социалистическим Советским Союзом!

Международная почта

„ЗАПАДНОМУ МИРУ УГРОЖАЕТ КРИЗИС"

Американская политика «холодной войны» нарушила естественные деловые и торговые связи между многими странами мира и пагубно отразилась на экономике государств англо-американского блока. Этот факт все чаще и чаще вынуждена признавать печать западноевропейских стран. Знаменательное высказывание мы находим на страницах английского еженедельника «Трибюн».

Отметив, что искусственные торговые связи, возникшие под влиянием «холодной войны», распадаются с «ужасающей быстротой», «Трибюн» пишет: «В Америке, повидимому, в скором времени должен наступить давно ожидаемый спад деловой активности. Запасы непроданных товаров накапливаются в магазинах и на складах. Падают заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты, падают доходы фермеров. Реализация продукции автомобильной промышленности, которая имеет очень большое значение, начинает сокращаться... Всему западному миру, как это предсказал в прошлом году Сталин, угрожает кризис перепроизводства».

В расширении торговли Запада с Советским Союзом и странами народной демократии автор статьи видит одно из средств облегчить угрозу. Более того, он считает, что «увеличение торговли между Востоком и Западом, помимо экономических выгод, представляет собой самое верное средство — и, возможно, единственное средство — обеспечения длительного мира».

ТРАГЕДИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Посол США в Риме Клер Люс в интервью, опубликованном американским журналом «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», заявила, что основной проблемой Италии является ее перенаселенность. О перенаселенности страны постоянно твердят и представители итальянских правящих кругов, лицемерно уверяя, что эмиграция является якобы «выходом из положения». Отказываясь от осуществления радикальных мер для подъема экономики Италии, изнемогающей под бременем американского «покровительства», правящие круги всячески стремятся отправить в другие государства возможно большее число своих обездоленных соотечественников.

А каково положение итальянских эмигрантов на чужбине, видно из одного письма, помещенного газетой «Унита». Вот что пишет своему другу оказавшийся в Бразилии итальянец, которого страшная нужда заставила покинуть Италию:

«...Прошло пять месяцев с тех пор, как я расстался с тобой, дорогой мой, и единственное, что я делаю, это думаю и заливаюсь слезами. Жизнь здесь очень тяжелая... Уже две недели я не имею работы. Предприятия закрыты. Чем дальше, тем хуже становится... 16 мая сюда прибыли американцы для вербовки бразильцев в армию. Семьсот итальянцев были вынуждены записаться добровольцами в армию, так как они лишены даже куска хлеба. Положение здесь складывается препаршивое. Мне стало известно, что часто итальянцам умышленно не предоставляется работа, чтобы принудить их вступить в американскую армию...

16 мая полторы тысячи итальянцев направились в консульство просить отправить их обратно в Италию. Им ответили, что раз они приехали сюда, то должны тут и оставаться. Произошли беспорядки, в результате которых несколько человек было убито и многие ранены. Консул, охраняемый полицией, спрятался».

Далее в письме говорится, что «тот, кто может выехать из Бразилии, самый счастливый человек в мире, ибо здесь люди умирают от голода».

Так, гонимые нуждой люди, покинувшие родные края, попадают в лапы американских вербовщиков пушечного мяса. Не потому ли г-жа Клер Люс упорно толкует о «перенаселенности» Италии?

РАСПРАВЫ В КЕНИИ

Террор, осуществляемый против мирных жителей британской колонии Кении, породил своеобразных «героев» — убийц в духе «дикого Запада» Америки времен колонизации страны, где творились особенные жестокости.

Некий Дэво Дэвидсон, полицейский офицер в Кении, открыто хвастает тем, что собственноручно умертвил тридцать трех негров. Он даже сделал соответствующее количество зарубок на своем автомате и на револьвере, как это делают охотники за крупной дичью после каждой «удачи»...

В свободное от стрельбы по мирному населению время Дэвидсон рассуждает и поучает. Он настоятельно рекомендует широко распространить «методы дикого Запада». Почти поголовное уничтожение индейцев в Америке является, по мнению этого головореза, образцом, достойным подражания. Недавно он заявил: «Дайте мне триста человек, которые готовы на несколько месяцев забыть, что такое цивилизация. Пусть они пойдут со мной в джунгли, где мы проведем трехмесячную карательную экспедицию».

Так расправляются с негритянским населением Кении британские колонизаторы. На фото: негры, ложно обвиненные в принадлежности к несуществующему террористическому обществу «Мау-мау» и брошенные в тюрьму.

Снимок из английской газеты «Санди таймс»

Неизвестно, откликнулся ли кто-нибудь на этот людоедский призыв отбросить все человеческое и превратиться в зверя, выслеживающего человека.

Однако в английской палате общин раздались возмущенные голоса по поводу массовых убийств в Кении. Министру колоний был задан вопрос, кто дал Дэвидсону право безнаказанно истреблять людей. Ответ гласил, что Дэвидсон — офицер, который находится на службе у властей Кении и имеет право применять силу, «когда это вызывается необходимостью». Так что охотнику за черепами предоставлена полная возможность украсить свое оружие новыми зарубками...

Надо ли говорить, сколь гибка и удобна формула: «вызывается необходимостью», прикрывающая бесчеловечный террор? Скажем лишь, что только по официальным данным, обнародованным на днях в палате общин, «оказалось необходимым» убить и ранить из числа мирного населения Кении больше 4 тысяч негров, арестовать и «подвергнуть проверке» почти 140 тысяч человек, в том числе свыше 56 тысяч негров предать суду!

Безнаказанно льется кровь населения Кении, поскольку это «вызвано необходимостью» — корыстными интересами колонизаторов.

МИЛИТАРИСТСКИЙ УГАР

Этот своеобразный рисунок - диаграмма был помещен прогрессивной норвежской газетой «Фрихетен». Он дает весьма убедительное представление о том бремени гонки вооружений, какое вынуждена нести сейчас Норвегия, втянутая в агрессивный Северо- атлантический союз.

Слева внизу показаны расходы Норвегии на военные нужды в 1936—1937 году; в те времена они достигали 45 миллионов крон.

Гора военных самолетов, танков, пушек, бомб, снарядов, пулеметных лент, изображенная справа, иллюстрирует, как обстоит дело ныне. Военные расходы колоссально возросли. В 1953—1954 году на «оборону» (от несуществующего противника!) ассигновано 1.300 миллионов крон. «Увеличение на 2.900 процентов», — написано на рисунке.

Туго приходится норвежскому налогоплательщику от американской «помощи»!

ВИНОВАТ „ТУЗЕМЕЦ"...

Поздним вечером по Клей-аллее в Западном Берлине мчались, перегоняя друг друга, два автомобиля. За рулем «студебеккера» сидел капитан армии США Мюллер, «джипом» управлял американский сержант Гиббон; общество и того и другого разделяли девицы сомнительного поведения. Как и следовало ожидать, гонка закончилась аварией: машины врезались в автомобиль с патрулем американской военной полиции, который на огромной скорости неожиданно выехал из-за угла.

По удивительному стечению обстоятельств никто из американцев и их спутниц не пострадал, хотя автомобили были разбиты. Жертвой этой уличной катастрофы явился лишь 62-летний немец Иозеф П., ехавший по улице на велосипеде; он был сшиблен столкнувшимися автомобилями и потерял сознание.

Когда П. пришел в себя, на месте происшествия уже никого не было. Он подобрал замеченную им на мостовой табличку с номером автомашины (это был номер автомобиля капитана Мюллера) и направился в полицию. Оттуда его послали в американскую военную полицию. По принесенному немцем номеру был опознан и вызван хозяин машины.

Увидев старика, капитан Мюллер пришел в ярость. «Вот он, бродяга!» — вскричал американец и стал говорить, что «немецкий туземец»-велосипедист своей ездой создает опасность для уличного движения...

Решение американского военного суда было кратким и ясным: немецкая газета «Нейес Дейчланд» пишет, что за нарушение правил уличного движения, приведшее к аварии, шесть месяцев тюрьмы получил... Иозеф П.! Зачитав приговор, судья обратился к Мюллеру и Гиббону и глубокомысленно сказал: «Наша задача в Германии нелегка. Как видите, нам приходится обучать немцев даже правилам уличного движения»...

Смесь

Рискованная реклама. Американская мукомольная компания «Пилсбери флоур компани», находящаяся в Миннеаполисе, широко рекламирует выпущенную ею в продажу муку в пакетах с изображением... французской национальной героини Жанны д'Арк. К каждому пакету приложен рецепт популярного во Франции мучного блюда с пояснением: «Жанна д'Арк ела это блюдо, когда была маленькая». Сообщая об этом, газета «Юманите» иронически замечает: «Что ж, французской кухне весьма льстит такая рекомендация... Но интересно, информировал ли миннеаполисский трест свою клиентуру о том, что Жанна д'Арк — именно та героиня, которая вместе со своим народом изгнала чужеземцев вон из Франции? Вот ведь, какие формы принимал в те времена лозунг «Убирайтесь домой!»...

Фашистские порядки. Журнал «Лаворо» поместил письмо читателя Ренцо Ванчини, который рассказывает, что на предприятии Пеши в итальянском городе Ченто (Феррара) администрация заставляет рабочих подписывать обязательство «не вступать в левые партии и в профсоюзы» и не участвовать в забастовочном движении. Завод «превращен в казарму, и рабочие подвергаются постоянному наблюдению, даже когда они находятся вне предприятия».

Итальянские промышленники стремятся вернуться к фашистской дисциплинарной системе на заводах.

Гомер по-голливудски. Как сообщает немецкий журнал «Ди вельтбюне», в Голливуде ставится фильм по поэме Гомера «Одиссея». Голливудские деятели решили сделать из Одиссея, царя острова Итака, «первоклассного любовника». Придуман и такой трюк: роли волшебницы Цирцеи и прекрасной Пенелопы, жены Одиссея, поручают не двум, а одной актрисе. «Выйдет ли из всего этого древнегреческий вариант ковбойских фильмов или кинооперетка с эротически классическим налетом, — пишет журнал, — знают только боги»...

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03848.